

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Феномен культурной идентичности в свете философии культуры
современной Германии

Выпускная квалификационная работа по направлению 51.03.01
Культурология
Основная образовательная программа бакалавриат

Исполнитель:
Черноскутова Ольга Юрьевна

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Дианова Валентина Михайловна

Рецензент:
д.ф.н., доц. Демшина Анна Юрьевна

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. К теории культурной идентичности	7
1. Культурная и национальная идентичность: о значении и употреблении термина и его смысловых содержаниях	7
2. Культурная память.....	14
3. Культурная идентичность в условиях глобализации.....	17
Глава 2. Особенности формирования национальной идентичности в Германии. Культурно-исторический фон.....	21
2.1. Преодоление тоталитарного прошлого.....	21
2.1. Восток и Запад: культурный дуализм.....	27
Глава 3. Современная Германия: стержень культурной идентичности.....	35
1. Механизмы формирования культурной идентичности.....	35
2. Язык как инструмент культурной самоидентификации.....	39
3. Поиски образа: на грани культурной и политической идентичностей.....	44
Заключение.....	57
Список использованной литературы.....	58

Введение

В представленном исследовании поднимается вопрос о коллективных и индивидуальных идентичностях в контексте феномена культурной идентичности. Как пример для рассмотрения механизмов формирования культурной идентичности берется послевоенное немецкое общество.

Цели исследования – выявление смыслового содержания и рассмотрение различных смысловых коннотаций понятия коллективной идентичности, в частности культурной, и посредством этого – анализ данного феномена на основе реалий и философии культуры современной Германии, а также понимание принципов самоидентификации представителей современного немецкого общества.

К задачам исследования мы относим компаративистский анализ существующих на сегодняшний день концепций коллективной идентичности, выявление аспектов, наиболее значимо влияющих на процессы формирования культурной идентичности, а так же проследить, какие частные особенности обуславливают данный процесс в немецкой культуре.

Предмет исследования – послевоенное немецкое общество, объект – способы самоидентификации индивидов рассматриваемого общества и их социокультурное взаимодействие.

В данной исследовательской работе использованы некоторые существенные приемы и принципы, характерные для культурологического, культурно-социологического, историко-философского, общенаучного и текстологического методов исследования. При написании теоретической части основным является феноменологический подход, при непосредственном анализе предмета исследования среди преобладающих подходов выделяются аксиологический, историко-культурный и лингво-семиотический.

Как важные факторы, влияющие на развитие культурных идентичностей, отдельно мы рассмотрим феномен культурной памяти, а так же глобализацию и формы смешения культур. При непосредственном анализе принципов современной немецкой самоидентификации мы выделяем такие

культурно-исторические предпосылки, как комплекс вины, сформировавшийся в процессе преодоления тоталитарного прошлого, а также культурный дуализм, образовавшийся между восточными и западными немецкими землями в результате десятилетий их государственного разделения, ставшего причиной раздвоения культурного пути развития двух Германий.

В рамках данного исследования акцент делается на том, что идентичность понимается нами как процесс, а не как данность.

Актуальность данного исследования обусловлена поисками многих современных культур ответов на вопрос о специфике своей собственной специфической идентичности и самобытности в современном мире бурно развивающихся медиа-культур и выработки икон и образов для соотношения с ними.

Основным материалом для теоретической части исследования стала философия культуры современной Германии, представленная в трудах теоретиков, рассматривавшие феномен коллективной и культурной идентичности в разных теоретических областях.

С точки зрения психологии («психология масс») данный феномен исследовался в работах *З. Фрейда*, *К. Юнга* и *Э. Эриксона*, рассматривавших современные процессы культурной самоидентификации в контексте соотношения индивида с окружающим его обществом. *В. Вундт* разрабатывает такое направление, как психология народов, где он рассматривает взаимосвязь языка, мифов и обычаев в формировании национального сознания и культурной идентичности. *Ю. Хабермас*, в свою очередь, исследует политический аспект культурной идентичности, а также идею национального государства. В контексте изучения концепций о культурной памяти, центральными в нашем исследовании становятся идеи *Э. Гуссерля* в рамках его теории о трансцендентализме и историчности. В свете специфики немецкой культурной самоидентификации мы обращаемся к работам *К.Яперса*, *Х. Арндт* и *Т. Адорно*. Помимо этого, по ходу

исследования мы будем ссылаться на ряд других, менее известных современных исследователей данной проблематики в рамках различных дисциплин, представителей как немецкой, так и французской, русской и американской современной философской мысли.

Немецкий вопрос об идентичности становится особенно злободневным. Как было замечено в 1976 г. на немецкой конвенции историков в Маннхайме, Германия после второй мировой войны рискует оказаться “страной без идентичности”.¹

После нахлынувшего Германию в последние годы миграционного кризиса, глава государства Ангела Меркель, отвечая на тревоги граждан потерять четкое понимание своей идентичности в таком культурном контексте, заявила, что “Германия останется Германией, со всем тем, что нам в ней любо”.² Под спецификой этой самой «немецкости» Меркель понимает чувство экономического благополучия и осознание себя гражданином социального государства. Это, в свою очередь, тем не менее, не отвечает чувствам большинства граждан ФРГ.

По данному аспекту довольно четко выражает свои мысли Тило Саррацин в своей нашумевшей книге «Германия: самоликвидация». Он говорит о том, что человеку свойственно приписывать самоценность социальной организации, в которой он состоит. Это может мотивировать его, возвышать и внушать чувство гордости. “И только когда дело касается Германии, у многих из нас срабатывает внутренний цензор: (...) - Немец? Ну, разве что во время мирового первенства по футболу, а так – нет уж!

Тревожиться за саму Германию как страну немцев считается уже неполиткорректным”.³ Политкорректность же в самой Германии - отдельная

¹ S. Papcke. Gibt es eine kulturelle Identität der deutschen?// Die Identität der Deutschen / Werner Weidenfeld (Hrsg.), Wien: Hanser, 1983. – S. 248

²J. Güntner. Kulturelle Identität – als Problem. Deutsch sein und bleiben. - [Электронный ресурс] - Neue Zürcher Zeitung – сайт. URL <https://www.nzz.ch/feuilleton/aktuell/kulturelle-identitaet-als-problem-deutsch-sein-und-bleiben-ld.117226/> 12.04.17

³ Саррацин Т. Германия: Самоликвидация. М: АСТ, 2013, с. 22

и не менее важная тема в контексте проблематики данной работы, которая так же будет раскрыта более обстоятельно.

Тем не менее, четкое понимание себя и своей идентичности гражданам Германии на сегодняшний день необходимо. Ведь как таковая возможность принятия другой культуры требует наличия устойчивой культурной идентичности у себя самих, осознания себя в качестве носителя определенной культурной традиции, выступающего по отношению к другим культурным традициям как субъект сохранения и развития человеческой культуры в целом. Непосредственное отождествление с выдающимися достижениями духовности собственной культуры открывает перспективы принятия иных культурных ценностей. Именно устойчивая позиция сильной в психическом плане и развитой в культурном отношении личности, а также ее культурное самосознание обеспечивают ее терпимое отношение к тому, что не похоже на нее саму.

Отдельное внимание уделяется языку как инструменту культурной самоидентификации. Язык в контексте данного исследования выступает в первую очередь в качестве гносеологической категории, так как помимо функции выражения национального самосознания, он выступает в качестве основной формы национального *самопознания*.

Как любой предмет исследования, язык приобретает различные коннотации в зависимости от применяемого подхода. Ключевым различием в изучении языка с помощью культурологического или психологического подхода от подхода филологического является то обстоятельство, что филология рассматривает язык скорее как систему, а культурология и психология как деятельность. Семиотика, в свою очередь занимает позицию на стыке этих двух разных пониманий.

Само языковое содержание в свою очередь способствует непосредственному пониманию ментальных моделей исследуемой культуры. Помимо этого, для данной работы весьма важным представляется рассмотрение взаимодействия между национальной и социальной

составляющих для выявления роли и значимости языка для его носителя, в частности в случаях с мультилингвальными индивидами и обществами.

Междисциплинарность такого предмета исследования, как идентичность, в частности культурная и национальная, весомерно отражается на различиях в подходах к ее изучению процессов ее формирования. Если политология исследует данные процессы как внешние, говоря о создании коллективных идентичностей, надстраиваемых над индивидами, то психология масс более ярко выражено рассматривает развитие коллективной идентичности на фоне индивидуальной, изучая внутренние побуждения и позывы отдельной личности. Философия и культурология в свою очередь, имея идентичности как предмет исследования, использует в своей методологии оба подхода. Человек одновременно является как субъектом, так и объектом культуры, способным как накапливать, так и воспроизводить различные культурные коды.

ГЛАВА 1. К теории культурной идентичности

1. Культурная и национальная идентичность: о значении и употреблении термина и его смысловых содержаниях

Исследователи на сегодняшний день не могут единодушно согласиться, что наше поведение и поступки действительно предопределены какой-либо «культурной предпосылкой» (Bayart: “cultural reason”¹). Сам термин национальной или культурной идентичности до сих пор не имеет точного определения, а данная теория не представлена в систематизированном виде. Некоторые исследования имеют тенденцию ставить под вопрос как таковую необходимость подобной теории: так тезис историка Лутца Нитхаммера, назвавшего коллективную идентичность “бессодержательным пластиковым словом” (“inhaltleeres Plastikwort”²) нашел довольно большой отклик. Тем не менее, наблюдения того же Нитхаммера обращают внимание читателя на тот

¹J.-F. Bayart. The illusion of cultural identity. London: C. Hurst & Co (Publishers) Ltd, 2005, p. 9

² Lutz Niethammer. Kollektive Identität: heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur. Leipzig: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2000, S.33

факт, что с 1950-х годов количество публикаций на данную тему в немецкоязычной литературе удвоилось.¹ Также довольно активно теории о коллективных и индивидуальных идентичностях развиваются в североамериканских научных сообществах. Много примечательных работ по теме написаны в последние десятилетия представителями франкоязычных обществ. Помимо этого, Нитхаммер отмечает заметный перевес систематизированных исследований по теме коллективной идентичности, нежели индивидуальной. В своем 700-страничном труде Нитхаммер предпринимает попытку понять и определить термин коллективной идентичности, оставляя после себя один из самых основательных на сегодняшний день трудов по теме. Он пытается разобраться как в истории термина, так и в его понятийном содержании.

По Шмитту Идентичность служит определением народной демократии, по Лукасу – революционному сознанию, по Юнгу – варварской регрессии, по Хальбваксу - традиционности, по Хаксли - запрограммированному неравенству...

“Такие комплексные общественные высказывания и требования, во-первых, не подлежат сравнению друг с другом в формальном смысле, а во-вторых, не вносят ясности в теоретическое понимание термина”². Исходя из этого, само постижение содержания коллективной идентичности кажется едва ли возможным. Несмотря на разнонаправленность исследованных оснований Нитхаммер отмечает некое единство цели и статуса подобных «шаблонных» аргументаций. Шмитта и Лукаса он относит к идеологиям политической однородности, чьи теории основаны на переосмыслении конфликтов мировой истории. Определения идентичности у Фрейда и Хальбвакса строятся скорее на принципе структурирования культурных дифференций, основанных на религиозных парадигмах. Юнг и Хаксли видят

¹ Lutz Niethammer. Kollektive Identität: heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur, Leipzig: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2000, S. 21

² Lutz Niethammer. Kollektive Identität: heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur, Leipzig: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2000, S. 415

коллективную идентичность в качестве шифра, кода разграничение себя с другими зависит от своих аксиологических установок.

Проблемой «масс» и влияния общества на мировоззрение и поведение отдельных индивидов занимается такая область психологии, как теоретическая массовая психология. В данной области очень активно исследуется непосредственное соотношение коллективных идентичностей на национальном, государственном уровне. На сегодняшний день наиболее обстоятельно теоретическая массовая психология изучена в трудах Г. Лебона, З. Фрейда и Э.Эриксона. В массах, по мнению Фрейда, индивид отчасти теряет своеобразие, во многом лишает себя личной ответственности, и “расовое бессознательное проступает на первый план”.¹ Это отчасти объясняет феномен национальной гордости, ликование за победу своей страны где бы то ни было, как за свою личную победу, и, что немало важно в контексте данной научной работы, этим также можно руководствоваться, пытаясь понять воодушевление и положительные настроения большей части немецкого народа во времена нацистской диктатуры, и как следствие феномен коллективной вины и ответственности. Теория о коллективном бессознательном получило широкое развитие у К. Г. Юнга.

Французский социолог Г. Лебон в свою очередь вырабатывает схожую со Фрейдовской концепцию о принципах работы процессов самоидентификации. Он отрицает влияние политической, культурной или языковой составляющей на механизм самоидентификации, подчеркивая, что “позади учреждений, искусств, верований, политических переворотов каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция”.²

Помимо этого, одним из наиболее значимых исследователей данного вопроса был немецкий ученый, называемый отцом экспериментальной психологии, Вильгельм Вундт. Он подошел к этому феномену немного в

¹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, с. 13.

² Лебон Г. Психология толпы // Психология толпы: сборник работ. М.: Эксмо, 2003, с.43

другом срезе, выдвигая «психологию народов» как индивидуальную науку. Он рассматривает взаимоотношения между психологией и языком, мифом, обычаями. Так же он подчеркивает, насколько сильно различаются методы исторического и психологического исследования любого аспекта жизни общества, в данном случае, отдельного народа.

Впервые вопрос о культурной и национальной самоидентификации был поднят в Древней Греции, где он был решен с точки зрения *языково-культурного принципа*. Схожим принципом руководствовался и В. Вундт, психология народов которого будет еще более подробно рассмотрена в другом разделе данного исследования.

Рассмотрением феномена соотношения индивидуального и коллективного сознания занимался и намного ранее рассмотренных выше исследователей-психологов немецкий философ Иммануил Кант. Именно в его исследованиях мы можем увидеть пока еще отдаленные мотивы зародившихся позднее психологии масс и психологии народов. Для конкретного примера обратимся к его работе «Идея всеобщей истории во всемирном гражданском плане». Здесь Кант много пишет о природном разуме и его воплощении в умах людей, и как человек в стремлении к общему благу и своему развитию способен отодвинуть свое индивидуальное на второстепенный план, чтобы дать место развитию природной идеальной идее. В одном из своих положений он так и пишет: «Природные задатки человека (...), направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивиде, а в роде».¹ Под «родом» он подразумевает не только общество как совокупность живущих в людей, составляющих социум, а длительное становление общества и общественной мысли, путем ее развития в виде бессознательного у индивидов из поколения в поколение.

В XIX в. западная мысль предложила две концепции самоидентификации в обществе, в первую очередь в рамках государства. Так по Ж-Ж. Руссо идентифицировать себя в обществе означало право народа

¹ Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т.8. М: Чоро 1994, с.14

являться главным субъектом в политике. Немецкие и английские теоретики национализма (Г.Гегель, Ф. Гизо, Г. Бокль, А. де Токвиль) опирались на суждение о том, что природа наций сама по себе иррациональна и выражается в единстве языка, крови и культурных традиций.

Идеи теоретиков «классического» национализма стали ключевыми при формировании практически всех государственных объединений Европы той эпохи – от венской системы и непосредственно до германской империи. Согласно выработанным в рамках данного учения идеям: “демократическое государство основано на политическом участии демоса (населения), а национализм обеспечивает то возможное определение состава демоса, при котором он может совпадать, но может и не совпадать с населением государства”.¹

Юрген Хабермас отмечает, что нация и национальный дух становится первой новоевропейской формой коллективной тождественности как таковой.² Национальное самопонимание в принципе формирует тот культурный подтекст, в котором из подданных получаются политически активные граждане. Сама идея нации, таким образом, занимает пробел, который оставался бы в сознании граждан государств и политических образования конца 18 - начала 19в, так как национальная идея апеллирует к уму и сердцу с большей силой, нежели народный суверенитет и права человека. Сама необходимость такой идеи возникла как следствие религиозного раскола, спровоцировавшего развитие «мировоззренческого плюрализма», требовавшего новую идейную почву для обоснования легитимности политических образований. Помимо этого важную роль начинает играть зарождавшаяся модернизация, урбанизация, миграционный, информационный оборот (например, важный фактор – изобретение печати Й. Гутенбергом накануне Реформации).

¹ Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия// Полис. 1997 №5

² Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории, СПб: Наука, 2001, с.208

В XX в., послевоенное время принципы самоидентификации индивида в западноевропейском обществе приобретают новые подтексты. Особо активные поиски границ определения культурных идентичностей и культурных дифференций на основаниях социального неравенства или несправедливости находят свое начало в общественных движениях 68-го года. В поисках идентичности некоторые группы ссылались на гендерные дифференции, кто-то ставил региональную или национальную идентичность на передний план (призыв к “ethnic revival” – этническому развитию)¹, борцы за экологию подчеркивали силу и значимость так называемой «зеленой культуры». Усиливается значение дифференций на основании физической неполноценности – стремление физически неполноценных членов немецкого и французского общества выделиться в качестве особой ячейки в обществе. Оформляется принцип самоидентификации женщин как следствие начала становления феминистских движений.

Сильное влияние на установление принципов коллективной идентичности европейцев в послевоенном обществе оказывает захлестнувшая, в частности, Германию и Францию волна мигрантов, прибывавших в качестве рабочей силы. Механизм формирования идентичности на основе резкого отделения себя от другого не имел здесь прямую интенцию. Проблема состояла в отсутствии инициативы к интеграции со стороны новых членов общества, чья цель изначально заключалась в законсервированном сохранении и воспроизведении своих культурных ценностей с намерением снова вернуться в родные регионы. Это, тем не менее, не помешало реализации, по крайней мере, пассивного культурного диалога, и, как следствие, неосознанного и идейно незавершенного смешения весьма разных культур, что создает сложности при культурном взаимодействии и попытках рационального постижения целостной европейской культуры сегодня.

¹ Подробнее см. Anthony Smith, *The Ethnic Revival in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984

Далее обратимся к такому понятию, как политическое сознание. Пытаясь определить этот термин, Хельмут Кёниг задается рядом вопросов, включая вопрос о том, можно ли вообще считать подобный термин легитимным, так как под самим «сознанием» ведь обычно подразумевается нечто, присущие исключительно индивидам, а не социумам, таким как государства и нации. Далее же сам Кёниг поясняет, что сознание может быть самыми разными способами связано с надындивидуальными данностями.¹ В свою очередь уже упомянутый нами Тило Саррацин в книге «Германия: самоликвидация» говорит о том, что человеку свойственно приписывать самооценку социальной организации, в которой он состоит. Это может мотивировать его, возвышать и внушать чувство гордости. Эта организация становится выше самих индивидов.² Таким образом, можно заключить, что большинство теоретиков все же склонны полагать, что в любом обществе почти что автоматически рождается определенная тенденция, формирующая поведение состоящих в нем индивидов, что можно назвать культурной предпосылкой. В немецком обществе, например, к сегодняшнему дню такой тенденцией стало помимо прочего чувство вины и ответственности за преступления нацистов, которое, осознанно или нет, носит в себе почти каждый немец, что очень важно отметить в начале нашего исследования.

Для понимания феномена идентичности важно, помимо всего прочего, рассмотрение соотношения процессов коллективной и индивидуальной самоидентификации. Как было упомянуто выше, данная проблематика зародилась в трудах З. Фрейда, получив дальнейшее развитие и более поздних исследователей. Так, мы бы хотели обратиться к описанию диалектики индивидуальной коллективной идентичности современного немецкого культуролога Яна Асманна. Он, в свою очередь, выявляет два аспекта в их написании.

¹ Подробнее см. Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М: РОССПЭН, 2012, с.6-7

² Саррацин Т. Германия: Самоликвидация. М: АСТ, 2013, с. 22

Во-первых, «Я» развивается по направлению внутрь в результате своего участия в интеракции в социуме по соответствующим коммуникативным моделям. Так, предпосылкой для развития само личности становится участие «Я» в идентичности своей группы. По данному принципу коллективная идентичность становится приоритетной по отношению к личностной.

Во-вторых, Асманн утверждает, что коллективной идентичности как таковой не существует вне индивидов, которые конструируют определенный тип идентичности и являются ее носителями. Так коллективная идентичность становится лишь продуктом индивидуального знания и сознания.¹ Так, по Асманну, коллективная идентичность – это «образ, который группа конструирует относительно самой себя и с которым себя идентифицируют все члены этой группы»².

Сам по себе феномен культурной идентичности выбран нами в обход понятия идентичности национальной. Для знакомства с данной работой необходимо понимание соотношения культурной и национальной идентичностей. С.Хантингтон в свою очередь выделял следующие источники самоидентификации:³

- 1) Аскриптивные – возраст, пол, кровное родство, этническая и расовая принадлежность;
- 2) Культурные – клановая, племенная, языковая, национальная, цивилизационная, религиозная принадлежности;
- 3) Территориальные – ближайшее окружение, деревня, город, провинция, штат, регион, климатическая зона, континент, полушарие;

¹ См. подробнее J. Asmann Religion und kulturelles Gedächtnis: Zehn Studien. München: C.H. Beck, 2000

² J. Asmann Religion und kulturelles Gedächtnis: Zehn Studien. München: C.H. Beck, S. 132

³ С. Хантингтон . Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М: АСТ, 2004, с. 58-59

- 4) Политические – фракционная и партийная (в широком смысле – от клики до общественного движения) принадлежности, преданность лидеру, группы интересов, идеология, интересы государства
- 5) Экономические – работа, профессия, должность, рабочее окружение, наниматели, отрасли, экономические секторы, профсоюзы, классы, государства;
- 6) Социальные – друзья, клубы, команды, коллеги, компании для развлечений, социальный статус.

Рассматривая феномен культурной идентичности мы, таким образом, опираемся на указанные выше ее составляющие.

Как становится ясно, вопрос соотношения коллективной и индивидуальной идентичности в контексте идентичности культурной остается спорным среди современных теоретиков.

2. Культурная память

Важную роль при формировании культурной идентичности является и ее историческая составляющая. Культурная память, как и идентичность, исследуется специалистами разных научных областей: как биологии и психологии, так и социологии, культурологии и философии.

В сегодняшнем мире ярких медиа-образов идея истории ассоциируется у людей с извлекаемыми из архивов документальными изображениями. Такая мнимая реальность изображений, подлинных или стилизованных под определенную эпоху играет шутку со временем. История становится как бы хранимым на различных носителях информации кодом, который может бесконечно снова воспроизводиться.

Стюарт Холл полагал, что культурную идентичность следует искать в диалогических отношениях между непрерывностью времени и изломами истории.¹ Восприятие истории как прямой непрерывной линии и дает людям чувство идентичности и принадлежности к культуре.

¹ S. Hall. Cultural identity and Diaspora// J. Rutherford (ed), Identity: Community, Culture, Difference. London: Lawrence and Wishart, 1990, p. 94

Историческую память формируют все без исключения продукты культуры – от мифологии и искусства до учебников и газет. Один из исследователей понимал историческую память как “способность, потенциально присущую каждому человеку, переживать историю как свою собственную духовную биографию. Эта способность реализуется в двуедином акте опознания истории в себе и себя в истории. Как способность духовная, историческая память активна, т.е. не безразлична к своему предметному содержанию. Именно поэтому для нас не бессмысленны такие понятия, как «грех отцов», ощущаемый нами как собственный, и т.п.”¹

Весьма основательное теоретическое основание феномену культурной памяти мы можем найти в трансцендентальной феноменологии немецкого философа Э. Гуссерля. В своей теории он выделяет три измерения расширения и сужения жизненного мира (как внутреннего мира отдельного индивида, так и внешнего жизненного мира). Эти измерения обусловлены связью ныне живущих, давно умерших и еще не родившихся. Так он выделяет «естественное» или «наивно-мифологическое» измерение, «политическая историчность», а также «историчность-связанная-с-разделением-труда».

В рамках естественной историчности осуществляется «расширение мира» для отдельного человека, а также поддержание его границ на протяжении последующих поколений. Политическая историчность, в свою очередь, «обеспечивает его растяжение и «перекручивание» посредством смысловых сдвигов и наслоений, в горизонтальной плоскости, а «историчность-связанная-с-разделением-труда» - в вертикальной.²

Первый тип историчности Гуссерля и становится предпосылкой для формирования его концепции культурной памяти.

На основе процесса преемственности согласно Э.Гуссерлю происходит освоение, воспроизводство, сохранение и трансляция историко-культурного

¹ Корнер В.Ф. О карнализации как генезисе двойного сознания, ВФ. 1991. №1, с. 167-168

² Савин А.Э. Трансцендентализм и историчность в философии Гуссерля. Ханты-Мансийск: Изд-во Югорского государственного университета, 2008, с. 73

опыта на протяжении значительных временных периодов. На раскрытии определенных закономерностей в процессах смыслообразования и передачи смысла в этих процессах и заостряет внимание Э. Гуссерль в своих концепциях формирования традиций и культурной памяти.

Э. Гуссерль выделяет в историческом процессе отдельные эпохи мировой истории и типы историчности. Основанием для гуссерлевского различения типов историчности мировых эпох выступают, по мнению исследователя трудов Э.Гуссерля А.С. Савина, типы генеративности. Генеративность, согласно Гуссерлю, есть связь ныне живущих и давно ушедших в прошлое поколений, которые благодаря процессу воспроизведения порожденных ими смыслов актуально присутствуют в настоящем, вновь и вновь оказывая плодотворное воздействие на ныне живущих, участвуют в становлении *современной культурной практики*.¹

Применительно к культурному процессу – это процесс создания смыслов в рамках современного социокультурного пространства при участии, пробуждении смыслов, созданных культурными традициями прошлого. Как замечает А.С. Савин, эта потребность возникает часто на неосознаваемом уровне как актуализация в настоящем культурного опыта прошлого, который *не потерял своей значимости для современной культуры*.

2

В общем, говоря о функциях коллективной памяти общества и социальных групп, Э. Гуссерль подчеркивает, что та обеспечивает их самоидентичность и преемственность в развитии. Социальная и групповая дифференциация оказывает существенное влияние на интерпретацию и использование общенационального культурного наследия.

3. Культурная идентичность в условиях глобализации

¹ Первушина О.В. Культурная преемственность, культурная память и традиция: соотношение понятий как культурологическая проблема // Мир науки, культуры, образования. Выпуск № 1 / 2011, с.326

² Савин, А.С. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Э. Гуссерля // Вопросы философии. – 2009. – № 8, с. 129

Условия глобализации в сегодняшнем мире вынуждают отдельные культуры вырабатывать новые индивидуальные пути своего развития и осознанного или неосознанного преодоления культурной и национальной гомогенизации.

На культурном уровне глобализация развивает два парадоксальных по отношению друг к другу феномена: гомогенизация, развивающаяся на фоне расширения в сфере потребления и массовой коммуникации с заметным преобладанием американского влияния, а также фрагментация, в рамках которой всевозможные партикуляристские идентичности «бунтуют» и усиливают друг друга.¹

В противовес тому, на что проливают свет подобные весьма простые точки зрения, истинная суть сегодняшнего глобального развития лежит как не в обобщении унифицированных брендов и атрибутов медиа-культуры, так и не в строгой фрагментации, всегда ведущей к культурной конфронтации. Как заключают многие теоретики, главный принцип глобализации заключается в «напряжении между Гомогенизацией и культурной Гетерогенизацией».² Такая трактовка влияния глобализации на отдельные культуры, тем не менее, также весьма часто оспаривается.

Некоторые теоретики полагают, что глобализация является более слабым фактором в контексте самоидентификации личности в сравнении с осуществляемой в рамках культурной памяти генеративностью, так как самоидентификация, по их мнению, в более значительной степени формируется исходя из принципов, заданных генетически и осевших в памяти (пр.: обряды и обычаи).³

Существующие на сегодняшний день анализы процессов глобализации в рамках культурологических концепций признают сложность исследования

¹ M. Wieworka. Kulturelle Differenzen und kollektive Identitäten. Hamburg: Hamburger Edition, 2003, S.51

² A. Appadurai, Modernity at large. Cultural dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003, p.32

³ Утопия интергации?: статьи и материалы проекта «Культурная идентичность европейцев, интеграция и глобализация». Тверь – Варшава: Твер. Гос. Ун-т, Радио Полония, 2005, с. 107

феноменов культурной и национальной идентичности в рамках глобализации. Неоспорим тот факт, что исследование не может ограничиваться такими уровнями, как «национальное общество» или «государство», а должно, в свою очередь, выходить за рамки классической «трилогии» общество-нация-государство.

Более подробно данная проблематика раскрывается в четырех известных нам сегодня концепций, предлагающих несколько возможных вариантов разрешения неопределенности, заданной глобализацией¹:

Первый – так называемый сценарий «конца истории» Ф. Фукуямы. Предполагается, что глобализация найдет свое конечное выражение в форме выработки универсальных норм для Западного мира, основывающихся на принципах толерантности и открытости к «чужим» культурам. Равновесие таким образом будет поддерживаться в рамках «треугольника сил» «США - Европейское сообщество – Восточная Азия».

Не теряет актуальности в издающихся каждый год различных трудах по теме культурной глобализации предложенная Дж. Ритцером концепция «Макдоналдизации». Под данным термином Ритцер понимал усиливающуюся культурную гегемонию со стороны США, т.е. вестернизацию или американизацию. Он также полагал, что, в случае потери США своей приоритетной позиции, начнется борьба за это культурное лидерство, причем по его прогнозам следующую позицию должен будет занять Китай.

Пожалуй, самым известным и часто обсуждаемым сценарием стала выдвинутая С. Хантингтоном теория о «столкновении цивилизаций». Исключая возможность гегемонии отдельной культуры, Хантингтон пишет о разломе глобальной цивилизации и следующей за ней конфронтации различных цивилизационных образований, делая акцент на конфликте исламского мира с христианским.

¹ И. Кондаков, К. Соколов, Н. Хренов. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М.: Прогресс-традиция, 2011, с. 30-32

Э. Гидденс, в свою очередь, предлагает четвертый вариант исхода событий, сценарий «третьего пути». Так, он пишет о возможности устранения крайности либерального и социалистического путей модернизации. Согласно идеям Гидденса, в мире начнется поиск возможностей альтернативной глобализации, в рамках которой будут сохраняться социальные гарантии со стороны государства.

Изучая 4 предложенных феномена, мы можем, применительно к оформившейся на сегодня культурной парадигме, отметить, что первый сценарий уже фактически остается невозможным. Последний же, сценарий «третьего пути» остается в процессе концептуальной проработки без выявления четкого алгоритма его возможно реализации. Таким образом, сегодняшний мир становится площадкой, на которой одновременно разворачиваются два пути переработки глобализации – это «Макдональдизация» и «столкновение цивилизаций».

Тем не менее, более убедительным нам кажется сценарий, исключаящий гегемонию определенных культур или же полного смешения всех цивилизаций в одну, обладающую универсальными культурными атрибутами. В данном контексте важно понимание различия принципов положительной и негативной форм самоидентификации.

Если положительная самоидентификация строится на принципе «я – такой же, как и он, тот же самый», то негативная согласно идее: «я – не такой, как этот человек, я иной». Она неприятие или отрицание того или иного социального объекта или тотальное противопоставление «нас» - «им». «Мы», складывающаяся при таких условиях архетипическая оппозиция лежит изначально и в основе этнического самосознания, которое, кстати, развивается у индивида не раньше, чем в возрасте 12-13 лет.¹

Так, например, Д.Мид обстоятельно исследовал механизмы формирования идентичности, исходя из принципа распознавания позитивно или негативно значимых «обобщенных других». Как «они» он характеризует

¹ И. Кондаков, К. Соколов, Н. Хренов. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М.: Прогресс-традиция, 2011, с. 61

социальную общность, имеющую иной образ жизни, культуру, язык, иные политические и экономические и прочие ориентиры, аксиологические установки.¹

Индивид, таким образом, имеет две психологические потребности, важные для самоидентификации, в том числе и культурной. Это, во-первых, потребность в безопасности и принадлежности к определенной группе, которая ведет к идентичности себя как «мы». С другой стороны, это потребность в самобытности, в отделении себя от других, осознание своей специфичности и своего превосходства. Посредством этого формируется способ самоидентификации относительно понятия «они».

Глобализация, таким образом, побуждает различные общества активно осмысливать эти два способа идентичности, действительно становясь причиной активного напряжения между гомогенизацией и культурной гетерогенизацией.

Глава 2. Особенности формирования национальной идентичности в Германии. Культурно-исторический фон

В данной главе рассматривается краткая история развития немецкой культурной идентичности в послевоенный период, а также непосредственное влияние культурной политики, а в частности политики прошлого в государстве на ее формирование. Отметим, что факторы, определяющие культурную идентичность, абсолютно по-разному складывались в восточном и западном секторах Германии, образовавшихся вскоре по окончании Второй Мировой Войны. Это является причиной, по которой процесс обработки и преодоления прошлого в ГДР и ФРГ необходимо рассматривать отдельно и с разных подходов, как это будет сделано и в данной работе.

В своей статье под названием «Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности» О.М. Тюкаркина

¹ Mead D.G. Mind, Self and Society. Chicago, 1936

отмечает роль национальной идентичности как во внутренней, так и во внешней политике. Она пишет: “Национальная идентичность не только является ядром имиджа государства, но и позволяет стране приобрести конкурентные преимущества, а значит, занять более выгодные позиции на мировой арене”¹. Мы можем вне сомнений утверждать, что каждый акт в сфере политики и экономики, также сразу становится актом культурным. Как мы убедимся на примере истории немецких государств, культурная идентичность во многом зависит от политической и тесно пересекается с ней.

2.1. Преодоление тоталитарного прошлого

Далее мы подходим к теме коллективной вины в Германии как части культурного самосознания немцев.

В данном контексте нельзя не остановиться на разъяснении терминов «Преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) и «Проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*). Сперва следует обратить внимание на понятия, относящиеся к политике прошлого, доминирующие последнее время в западных странах в сферах журналистики, исторической исследовательской деятельности и общественно-политической жизни. Профессор российской истории в Париже Ютта Шеррер в своей статье «Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти» обращает внимание читателя на такие понятия, как историческая политика (*Geschichtspolitik*), политика прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политика идентичности (*Identitätspolitik*) и политика памяти (*Erinnerungspolitik*). “Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти (*Erinnerungskultur*), культура истории (*Geschichtskultur*) и историческое

¹ Тюкаркина О.М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности // Мир и политика. - 2012. - № 12 (75) (<http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html>).

сознание (*Geschichtsbewusstsein*), но прежде всего определить соотношение истории и памяти”.¹ В свою очередь, термины «Преодоление прошлого» и «Проработка прошлого» имеют разные между собой значения в историографии. Термин «Преодоление прошлого» стал употребляться в ФРГ примерно в середине 1950—х годов. Что примечательно, само имя «*Vergangenheitsbewältigung*» в этом же виде был заимствовано в лексиконы других европейских стран, однако всегда применяется именно в отношении политики прошлого Германии. Если мы посмотрим на само лексическое значение слова «*bewältigung*», то увидим, что оно обозначает «преодоление», «одоление». И данный термин действительно подразумевал преодоление силой, неся насильственный подтекст, предлагая навсегда покончить с прошлым, что не могло не вызывать критику и споры.²

Еще до Шеррера Теодор Адорно в своем докладе 1959 года выдвинул такой термин как «проработка прошлого». Этот доклад так и называется «*Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit*», и в нем Адорно критикует сложившуюся тенденцию в отношении политики прошлого, так же как и так называемый «*Schuldkomplex*» - комплекс вины, отмечая, что люди таким образом отмахиваются от прошлого и закрывают на него глаза, в то время как оно нуждается в проработке вместо однозначного преодоления.³

Тем не менее, некоторые из современных ученых вкладывают именно в понятие *Vergangenheitsbewältigung* более широкое значение. Так, например, современный отечественный историк А.И.Борозняк, углубленно занимающийся данной проблемой, утверждает, что данное понятие “отнюдь не означает простого отречения от тоталитарного «вчера», разрыва с ним или

¹ Шеррер. Ю «Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти» [Электронный ресурс] // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

² Подробнее см. König H, Kohlstick M. Woll A. Einleitung//*Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts*. Hamburg: hg. H.König. M.Kohlstick, A.Woll. Opladen, 1998.

³ Подробнее см. Adorno T.W. *Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit*// Adorno T.W. *Eingriffe. Neun kritische Modelle*, Frankfurt a.M, 1963

его забвения”.¹ Он подчеркивает, что данный термин подразумевает не только дистанцирование от событий периода 1933-1945 гг., но также усвоение его «глубинной сущности», извлечение определенных уроков. Также сам Борозняк в своей более ранней работе ссылаясь на немецкого исследователя Ульриха Брохгагена, который, в свою очередь, пытаясь выстроить объективную картину изменения отношения жителей ФРГ к прошлому страны, заключил, что рассматриваемый нами процесс преодоления прошлого до сих пор “в незначительной степени изучен именно как исторический феномен”.² Несмотря на то, что и в наше время эту тему продолжают рассматривать историки и политологи различных стран, понятия преодоления и проработки прошлого вообще и конкретно в рамках общества Германии остаются пока без четких определений. Также в последнее время прослеживается тенденция попыток разработки универсальной модели проработки прошлого на примере Германии, как альтернатива для других стран с тоталитарным прошлым.

Одним из первых, кто стал углубленно заниматься непосредственной проблематикой коллективной вины в Германии, был немецкий философ и историк Карл Ясперс. Он весьма четко разграничивает 4 понятия виновности, и здесь необходимо их перечислить: во-первых, это уголовная виновность. Это довольно просто: речь идет о преступлениях против установленных законов, которые могут быть объективно доказаны. Во-вторых, моральная виновность – здесь Ясперс подразумевает личную ответственность человека за всякого рода действия, которые он совершает. Тут же он поднимает проблему о том, что тезис «Приказ есть приказ» не может являться оправданием для человека перед самим собой. Третий вид вины – метафизическая. «Есть такая *солидарность* между людьми как таковыми, которая делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его

¹ Борозняк А. Прошлое, которое не уходит: Очерки по истории и историографии Германии XX века. Екб.: Изд-во Урал. Ун-та, 2004, с. 14

² Brochhagen U. Nach Nurnberg. Hamburg, 1994, S.10

присутствии или с его ведома».¹ И еще один вид виновности – это политическая виновность. Здесь подразумевается ответственность людей за действия и преступления государства и государственных деятелей, которая имеет место быть, так как люди живут под властью этого государства и «благодаря укладу которого существует». К каждому виду вины Ясперс «приставляет» инстанцию, которая ответственна за то, чтобы виновные искупали свою вину. У политической виновности такой инстанцией является власть и воля победителя. Именно данный фактор выделяется в данной работе как доминирующий в формировании чувства вины у немцев и национального сознания в целом на первых исторических этапах проработки прошлого. Однако чувство вины немцев не появляется из сугубо политической виновности. С моей точки зрения, оно воплощает собой комплекс всех видов виновности, перечисленных Ясперсом, именно поэтому оно и является такой массивной и трудно излечимой проблемой общества. Ясперс же призывал к разграничению виновности именно для понимания того, где она уместна, а где нет. Этого понимания не хватало во времена Ясперса и не хватает в современности, правда в совсем разных ключах. При Ясперсе политика властей склонялась к курсу *преодоления* прошлого, вследствие чего население просто вытеснило его из памяти, и он призывал народ к принятию этого прошлого и к необходимому пробуждению метафизической вины. На сегодняшний же день было бы правомерно сделать вывод о том, что испытываемая немцами вина является в большей части метафизической, и уже совсем неуместна, а политическая вина так же преувеличивается из-за давления других стран на Германию, что влечет за собой тенденцию властей страны самостоятельно склонять население к чувству виновности. Что же касается данного раздела учения Ясперса в целом и его призывах к перевоспитанию немцев, то здесь мы не можем не обратить внимания на схожую роль, которую брал на себя в свое время немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте. Он стал свидетелем другого

¹ Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1990, с. 19

кризисного для немецкого народа периода, а именно бесславной кончины Священной Римской империи германской нации в начале XIX века, которая по факту близилась к концу еще с Вестфальского мира. Он пишет о «перевоспитании» нации, призывая немцев уйти от привычного восприятия окружающего как плоти, материи и природы, говоря о том, что должен быть произведен сознательный дух, рассматриваемый им как единственно возможная основа благоустроенного государства. “Духовная природа неразрывно связывает наше полное очищение от всякого зла, подавляющего нас, с нашим выздоровлением в отношении нации и отечества”.¹ Так же как и Ясперс, Фихте глубоко переживал моральный упадок своей нации и предлагал путь ее «возрождения» в первую очередь через принятие и осознание своей провинности, прегрешений, которые привели нацию к определенному состоянию.

Далее, возвращаясь к послевоенной Германии, обратимся снова к феномену коллективной вины. Вполне логично, что встает вопрос о распределении этой вины. Если речь идет о национальной гордости, то аналогичными вопросами о «распределении» гордости не задаются, однако, когда речь идет о национальном «стыде» об этом стоит задуматься. Кому же «подобает» испытывать чувство коллективной вины в такой мультикультурной стране, как Германия?

Предпринимая попытку ответить вопрос об испытываемой всеми немцами вине, выдающийся немецкий историк и философ Ханна Аренд еще в 1944 рассматривает такую сторону политической идеологии самих нацистов, которая, несмотря на поражение в войне и скорый крах Рейха, все сильнее начала давать о себе знать в то время. Речь идет о постоянных утверждениях властей Рейха о том, что разницы между нацистами и немцами нет, так как народ крепко стоит за своим государством и его идеологией. Как следствие, по замечанию Аренд “..нет никакого разделения ответственности, ... немецкие антифашисты будут в той же мере задеты поражением, как и

¹Фихте И.Г.Речи к немецкой нации. СПб: Наука, 2009, с.218

немецкие фашисты, и ... союзные силы делали в начале войны различия лишь в целях пропаганды”¹. Отсюда произрастает часть существующей ныне проблемы: отождествление немцев с нацистами. Причем, если касательно сегодняшней ситуации люди все-таки признают, что немцы не нацисты в своем большинстве, то, рисуя в своих представлениях образ прошлого, в большинстве случаев все немцы того времени видятся людьми как нацисты, то есть, по этой логике, немецкое население того времени – это целое население нацистов. А на сегодняшний день – это целое население до сих пор «виновных» людей. Государство, претерпевшее с тех пор столько изменений, как экономических, политических и культурных, так и этнических, продолжает нести на себе это бремя. По разным данным, около 10-15% сегодняшнего населения Германии являются представителями этносов, отличных от немецкого. По вышеописанному принципу, где население страны и его взгляды и настроения полностью отождествляют с политикой главных представителей государства, все население Германии так же должно разделять и курс политики немецких властей, касательно политики прошлого и искупления вины. Ведь законы государства касаются всего населения, так и политические установки и призывы со стороны властей в подобных вопросах по правилам направлены на все население, без расовых исключений. В Германии, тем не менее, подобные принципы подчас игнорируются, и сами немцы часто притесняются своими соотечественниками других национальностей в данных вопросах. Однако тема о проблеме прошлого в современной Германии более обстоятельно будет рассмотрен нами позже.

Так же в рамках вопроса о распределении вины в более крупных масштабах, Генрих Дауб высказывает свое негодование в отсутствии логики, когда речь идет о политической ответственности государств. Ведь действительно, почему Германия продолжает искупление вины за тоталитарное прошлое, в то время как десятки других государств с

¹ Аренд Х. Организованная вина/ Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008, с. 39

подобными эпизодами в своей истории остаются в этом смысле безнаказанными? Говоря о подобном разделении вины, Дауб, что разумно, пишет об отсутствии мотива искупления вины еще и с той точки зрения, что, если уж винить немцев в произошедшем, то следует винить непосредственных современников тех событий, и то лишь в том, что они не стали активными участниками внутреннего движения сопротивления.

С момента вступления в свой «час ноль» и вплоть до объединения Германия переживает довольно долгий и противоречивый процесс переработки прошлого. Начиная с полного отречения и забвения и заканчивая выработанным в коллективном сознании немцев комплексом вины, данный процесс и на сегодняшний день не являет собой конечный процесс.

2.2. Восток и Запад: культурный дуализм

Вторая культурно-историческая предпосылка, которую мы выделяем в качестве одного из основных факторов, специфически влияющих на процессы культурной самоидентификации в современной Германии, - это непреодоленный по сегодняшний день культурный барьер между западной и восточной Европой. Причиной тому стали разные экономические, культурно-политические условия, сложившиеся в ФРГ и ГДР. Поскольку в предыдущем параграфе нами весьма подробно был проанализирован процесс переработки прошлого в ФРГ, мы не можем не обратить внимания на тот факт, что в ГДР данный процесс получил несколько другой курс. Данное обстоятельство не могло в последствии не привести к сложностям при попытке культурного слияния ФРГ и ГДР после падения стены.

Коммунист, узник нацистских концлагерей Оттомар Гешке обращался к согражданам: “Твое молчание, немецкий народ, было подлостью. Ведь ты не оставался в неведении, ты закрывал глаза и затыкал уши - именно потому, что ты знал о своих преступлениях. Ты молчал и навлек на себя страшную вину”¹.

¹Freies Deutschland, 1945, Н. 24, S.2

Сами власти в воззвании к ЦК КПГ от 11 июня 1945 говорили: “Жгучий стыд должен испытывать каждый немец за то, что немецкий народ несет значительную долю ответственности за войну и ее последствия...”¹.

Несмотря на это, ГДР довольно быстро отходит от политики признания преступного прошлого. Уже на 3 съезде СЕПГ 1950 был объявлен тезис о том, что “в ГДР ликвидированы корни фашизма”, “с фашизмом радикально покончено”. Еще десятилетие спустя Вальтер Ульбрихт относит ГДР к числу триумфаторов истории. Вследствие этого, как метко отмечает современный историк Ютта Шеррер в одной из своих статей: “В “антифашистской” ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-социализма”². Подобное утверждение может на первый взгляд показаться слишком радикальным и даже почти невозможным. Кроме того, обращаясь снова к приведенным выше результатам съезда СЕПГ в 1950 г., где было объявлено о ликвидации корней фашизма, мы можем сделать вывод, что изначально в ГДР все же признавалось нацистское прошлое, так как было то, что они якобы преодолели. Как же можно объяснить то, что теперь ГДР просто отрицало свою причастность к Третьему Рейху? Однако, если более глубоко окунуться в сформированную в ГДР установку исторической политики, то мы увидим, что в популярной исторической литературе и в выступлениях лидера СЕПГ германское прошлое представлялось предельно простым – были отделены друг от друга две непересекающиеся, изолированные линии преемственности: негативная империалистическая линия, которая напрямую идет от кайзеровской империи через третий рейх к ФРГ, и позитивная, антифашистская линия – от революционного рабочего движения через КПГ к ГДР.

¹ Коммунистическая партия Германии. 1945-1965. Краткий исторический очерк, документы, хроника событий. С.: 1968, с. 136-138

² Шеррер. Ю «Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти» [Электронный ресурс] // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

Как бы то ни было, естественно, и в ГДР многие историки, мыслители и простые люди пытались воскресить в сознании восточных немцев представление о том, как все же соотносилось прошлое нацистской диктатуры с настоящим ГДР.

В своей книге «Искупление», на которую мы уже не раз ссылались, Борозняк делится своими воспоминаниями о сотрудничестве с ассоциациями восточногерманских ученых в 70-е гг.: “Казалось бы, тема фашизма должна была стать центральным пунктом сотрудничества ученых СССР и ГДР. Увы.. в течение 32 лет работала двухсторонняя комиссия историков, в рамках которых состоялось более 50 совместных конференций и коллоквиумов. Но только дважды (1971, 1978) на повестку дня были вынесены проблемы истории нацистского режима. Я был участником этих заседаний и могу свидетельствовать: дискуссий на них не было, дело свелось к монологическому изложению позиции ученых двух стран. Не было подготовлено ни одной совместной работы историков ГДР и СССР по тематике германского фашизма, в ГДР не было опубликовано ни одного перевода книг советских авторов, занимающихся данной проблемой, даже ссылки на эти труды были редким явлением”¹. Как мы можем заключить из вышесказанного, в ГДР наблюдалась разве что легкая тень борьбы за правду в сравнение со «Спором историков» в ФРГ.

Специфика проработки прошлого в ГДР обуславливалась существовавшим в ней в то время тоталитарным режимом, который не позволял никаким студенческим движениям или спорам историков влиять на свою идеологию и политику прошлого. Это стало отправной точкой тех проблем, с которыми культурная память ГДР столкнулась после объединения Германии и ликвидации существовавшего до этого в Восточной Германии тоталитаризма.

После падения стены властями был взят курс «преодоления раскола» в области культуры, задачей которого являлось создание единой национальной

¹ Борозняк А.А. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Независимое издательство «Пик», 1999, с.146-147

культуры Германии. Так, в 1990-1991 в новых землях было реорганизовано управление культурой. Примечательно, что приоритетной рассматривалась перспектива «поглощения» восточно-немецкой культуры западной, или же другими словами, включение ГДР в ФРГ с отказом от сформировавшейся в ней за годы раздела культурной специфики.¹

Тем не менее, проблематичным становится преодоление различий в сформировавшихся моделях ментальности у восточных и западных немцев. Так, для преобладающего количества жителей восточных земель перестройка культуры, культурная коммерциализация, американизация и внедрение западных ценностей обернулось весьма болезненным процессом. Выясняется, что за годы раскола в ФРГ и ГДР сформировались разные представления о культуре и ее функциях вообще, а также о путях и средствах ее развития. Так, «новые земли» становятся более консервативными в своих убеждениях, полагая, что государство должно участвовать в сохранении культурного наследия нации и способствовать приобщения населения к нему. В то время, как в «старых» землях, более значимую ценность приобретает свобода художника, укореняется общепринятое разграничение между высокой и повседневной культурой. Подобная двойственность культурных идентичностей внутри одного национального государства весьма специфична и, что немаловажно, остается непреодоленной на сегодняшний день.

Гетерогенность коллективных идентичностей представителей западной и восточной немецких культур весьма интересно проанализировал немецкий писатель Кристоф Брумме на симпозиуме «Язык. История. Менталитет. Sprache. Geschichte. Mentalität», организаторами которого выступили воронежский и саратовский филиалы общества немецкого языка. Он описывал то, как граждане ФРГ и ГДР стали воспринимать друг друга после падения стены. Так, для граждан бывшего ГДР, отличительной чертой представителей «старой» ФРГ выделяются следующие аспекты: гражданин ФРГ был гражданином мира (Weltbürger), занимался спортом (sportlich aktiv),

¹ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного Университета в Москве, 2007, с. 663-664

имел здоровый внешний вид (*gesundes Aussehen*). Он был для них человеком из рекламы (*Mensch von Werbung*), самоуверенным (*selbstbewusst*), уверенным в своих силах (*selbstsicher*). Им он казался всегда загорелым (*gebräunt*), ему приписывался другой запах (*anderer Geruch*). Он так же воспринимался ими, как правило, как человек искусства (*künstlerischer Mensch*). Представители «старой» ФРГ, в свою очередь, отмечали у своих соседей наличие собственной так называемой культуры жаловаться (*Klagekultur*). Вдобавок к этому они замечали, что, став особой чертой восточно-немецкой культурной идентичности, эта культура жаловаться становится в какой-то мере и их личной гордостью. К тому же, западные немцы отмечали отличительную способность восточных немцев, заключающуюся в их неумении тратить деньги.¹

В рамках изучения межкультурной коммуникации, П.Н. Донец, в свою очередь, характеризует германо-германское общение как “общение между носителями наднациональных культурных образований ... социально-экономического ... характера”.²

Такой социокультурный феномен становится ярким примером того, как признаки коллективной и индивидуальной идентичности могут претерпевать изменения. На данном примере мы видим, как эти признаки становятся из доминантных рецессивными, а так же перемещаться из одной части структуры идентичности в другую.

Далее интересно заметить, что после падения стены в Европе вызывает тревогу возродившийся в Германии дух чванливости и превосходства. Уходит эпоха, начавшаяся после второй мировой войны, и в ФРГ, медленно освобождающейся от комплекса вины, заметно выросло влияние течений в исторической науке и публицистике, которое можно объединить в рамках

¹ Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007, С. 137-138

² Донец П.Н. О трудностях супракультурного общения (на примере германо-германского диалога анно 1983) // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности – коллективная монография в двух частях / Ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. – Ч. 1. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004, С. 230

понятия «новый немецкий национализм». Однако, представленная немцам книга американского писателя Голдхагена вызвала у них настоящий интеллектуальный шок. В этой книге поднимались новые факты об истреблении еврейского народа, взгляд на немецкий народ того времени как на послушных исполнителей воли фюрера и мнение о немцах в целом, как о народе, с генетически присущим ему антисемитизмом. Немцы снова оказались лицом к лицу с нежелательным и как будто давно решенным вопросом - вопросом о «коллективной вине» и «коллективной ответственности» за чудовищные деяния гитлеровцев.

К одним из ярчайших проявлений искупления немцами своей вины за прошлое А.И. Борозняк относит открытую в 1995 году в Германии выставку «Война за уничтожение», выставку о бедах, причинённых немцами народам СССР. Обличая ужасающие подробности жестоких методов Вермахта, выставка раз и навсегда стирает репутацию Вермахта как ни к чему не причастных солдат, образцов порядка. Выставка привлекла внимание немцев всех поколений и шокировала их, затронув жизнь практически каждого. Она, как выразился депутат и ветеран второй мировой войны граф Генрих фон Айнзидель, стала «целительным шоком для немцев».

Берлин, как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано как бы оплатить двойной послевоенный счет Германии. Также немецкая культура показывает свое искупление и раскаяние различными формами искусства, так, например, в центре города в 2005-м возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это головной музей Холокоста в Германии, место памяти и воспоминаний о шести миллионах жертв-евреев. Еврейский музей в центре Берлина — самый большой музей такого типа в Европе — был открыт еще раньше (2001). Так же не перестают функционировать музеи на местах бывших концлагерей.

Таким образом, к 2000-м годам, как отмечает Саррацин, когда Германия столкнулась с проблемой усиленной миграции, когда продолжается демографический кризис среди представителей немецкого этноса, это самое чувство вины давит немцев и не позволяет им выступить за свое утверждение в своей же родной стране.

Тем не менее, в современном обществе намечаются тенденции отхода от беспрекословного принятия немцами всех порицаний в их сторону за счет представления самих немцев как жертв английских бомбардировок во время войны. Историческое сознание немцев незаметно дрейфует в направлении переоценки определенных событий военного периода и, как выражается в своей книге «Воодушевляющее страдание» Ральф Штекерт в 2008 г., «изменения содержания дискурса в пользу недавно еще казавшихся маргинальными национально-консервативных установок»¹. Самое широкое распространение получила версия о том, что существовала «нормированная память», позволявшая говорить только о преступлениях немцев, а на тему несчастий немецкого гражданского населения будто бы было наложено негласное табу. По мнению газеты «Die Welt», память о бедах рядовых немцев отторгалась потому, что этому якобы «способствовали чувства стыда и вины».² Теперь же к гражданам Германии, полагают журналисты правого толка, должна вернуться «память о собственных жертвах», необходимо «сказать о том, о чем долгое время умалчивали»³.

Однако немцы не всегда так осторожны и последовательны при пересмотре прошлого и выработки новых исторических парадигм. Широкую известность получило распространившееся движение ревизионистов, одним из ярчайших представителей которого является Юрген Граф. Граф отрицает факт существования Холокоста, приводя обширный ряд последовательных

¹ Ralf Steckert. Begeisterndes Leid. Zur medialen Inszenierung des «Brands» und seiner geschichtspolitischen Wirkung im Vorfeld des 2. Irakkriegs. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2008, S.78

² Борозняк А.И. Рецензия на книгу «Воодушевляющее страдание» [Электронный ресурс] // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

³ Там же

«аргументов» в пользу своей теории. Общественность же, естественно, сочла это невыносимым, и в 1998 году он был оштрафован и заключен в тюрьму на 15 лет. На сегодняшний день произведение «Миф о Холокосте» является запрещенным и в РФ. Мы не будем останавливаться на теории Графа, так как сама по себе она абсурдна, вместо этого посмотрим на мотивы, которыми Граф объясняет причину, по которой немцам в принципе все время напоминают о прошлом. В книге «Великая ложь XX века» он пишет следующее: «ФРГ хотела бы выглядеть образцовым союзником США, одновременно демонстрируя своей молодежи пагубность национализма... Пары упоминаний в месяц об Освенциме им хватило бы, но эта тема - ... дабы загасить всякую икру патриотизма и национального самосознания, и потому трижды в день они толдычат народу об Освенциме»¹. Несмотря на то, что Граф, как всегда, выражается слишком радикально и весьма зациклен на своей бессмысленной и преступной ревизионистской концепции, в этих его словах прослеживается логика касательно политики властей о постоянном напоминании населению о преступлениях режима Третьего Рейха. Германия действительно беспрекословно принимает все обвинения в свой адрес и делает многое для поддержания своей репутации среди стран зарубежья. Более подробно этой теме мы коснемся в следующем разделе.

Таким образом, мы видим, что дать однозначную оценку состоянию нынешнего обще-немецкого национального самосознания и восприятия прошлого фактически невозможно, однако мы можем наметить некоторые тенденции. О них и их последствиях речь так же пойдет далее.

ГЛАВА 3. Современная Германия: стержень культурной идентичности

¹ Граф Ю. Великая ложь XX века // [Электронный ресурс]

3.1. Механизмы формирования национальной идентичности

Теперь сделаем акцент на том, что само национальное сознание, с нашей точки зрения, в довольно значительной степени зависит от политики прошлого в государстве, являющейся одним из факторов, определяющих культурную память. То, какой преподносит историю нации государство, напрямую и очень сильно влияет на восприятие народом своей страны, ее руководства и политики. Учебники истории, повествующие об одних и тех же событиях, переписываются снова и снова из десятилетий в десятилетия, в зависимости от воли действующих властей и направленности их политики. Историк Л.Н. Корнева, рассматривая феномен истории прошлого в немецкой послевоенной культуре, непосредственно выделяет 5 основных факторов, влияющих на функции политики прошлого, а именно:

- морально-психологическое состояние немецкого общества и психологический настрой людей;
- политические процессы;
- состояние освоения источниковедческой базы;
- развитие исследований на макро-, средне- и микроуровнях;
- «историзацию» национал-социализма, понимаемую как процесс его ухода из «истории современности» в «историю прошлого».¹ Под политическими процессами Л.Н. Корнева понимает конкретные процессы по воздействию на последствия прошлого. К данному списку так же стоит добавить некоторые аспекты, которые мы бы упомянули, рассматривая политику прошлого в контексте развития национального самосознания и культурной идентичности непосредственно. Это, в первую очередь внутри- и внешнеполитические ситуации, которые влияют на направленность политики властей по вопросу о политике прошлого, в основном имеются в виду случаи со странами, в истории которых наблюдались недевиантные проявления курса государственной политики. Помимо того, влияние оказывают

¹Корнева Л. Проблема вины и ответственности немцев за преступления нацизма через призму взаимодействия макро- и микроисторических исследований // Вестник Томского государственного университета, Выпуск № 2 (6) / 2009

различные частные случаи и происшествия в обществе, происходящие без инициативы властей, однако часто влияющие на их политику.

Также, необходимо помнить, что развитие национальной идентичности в большей степени зависит от формирования национальной идеи в умах подрастающего поколения, а значит, курса так называемой молодежной политики. В Германии данным вопросом занимается Немецкий Институт Молодежи (НИМ), который Е.Г. Слущкий в своей книге «Качество жизни молодежи и молодежная политика» характеризует как наиболее эффективный в Европе.¹ Пропаганда не является основной ролью данной организации, вытесняемая вопросами о решении разноплановых личных проблем, с которыми сталкивается немецкая молодежь, а также обеспечения ей комфорта, однако все же имеет место быть.

Тем не менее, неоспорим тот факт, что прямое и сильное воздействие на формирование национального сознания у индивидов оказывает именно пропаганда, которая, безусловно, затрагивает не только рассмотренную выше политику прошлого, но функционирует в более широких масштабах. Однако как может пропаганда стать не прямой, а, наоборот, ненавязчивой, чтобы люди не чувствовали никакого идеологического давления и считали, что их эмоции рождаются из своих искренних побуждений и собственных рассуждений? На этот вопрос обстоятельно отвечает Анна Шван в своей книге «Реклама вместо оружия» («Werbung statt Waffen»). Она рассматривает международные публичные мероприятия и всемирные выставки как оружие пропаганды. В своем анализе данного явления она находит его корни еще в средневековье, и далее в эпохе Реформации, говоря о пропаганде (в основном, религиозной) во внешней политике.² В свою очередь, Кристиан Бойтлер пишет о том, что наиболее четкие основы данной формы пропаганды были заложены в 19 веке. О мировых публичных выставках он говорит следующее: “Впервые созданные в целях привлечения интереса народов к

¹ Подробнее см. Слущкий Е. Качество жизни молодежи и молодежная политика, СПб: Петрополис, 1997, с. 191

² Подробнее см. Schwan A. Werbung statt Waffen. Hamburg: VS Verlag, 2011, S. 109-111

экономике для их сближения друг с другом, после 1900 они стали угрозой, так как международная торговля стала все активнее развиваться, и возникали новые источники информации, и подобные события перерастали в неприкрытую национальную репрезентацию”.¹ Здесь мы уже можем перейти к конкретным примерам. Наиболее ярким из них отметим Всемирную Выставку 1937 года, организованную в Париже под именем «Искусство и техника в современной жизни». Она стала сценой для столкновения идеологий СССР и Германии, выраженных в архитектурных формах. Результат подобных мероприятий очень эффективен, так как пропаганда направлена и на формирование понятия о нации как за рубежом, так и внутри самого государства. Так же в качестве примера подобного явления мы можем рассматривать и различные спортивные первенства. Так, например Гитлер представлял Олимпийские Игры в Берлине в 1936 как доказательство своей расовой теории о превосходстве арийцев (в данном контексте – физическом), что, кстати, ему полностью не удалось из-за победы чернокожего бегуна. Подобный эпизод в Германии наблюдался в 1954 г., когда сборная по футболу ФРГ неожиданно выиграла первенство по футболу. Как пишет современный историк Пол Легг: «В результате, выдающаяся победа Западной Германии со счетом 3-2 ... была, бесспорно, самой большой спортивной сенсацией с 1945. Кроме того, впервые после окончания войны немцы чувствовали возможность вскинуть свои руки над парашютами, преисполненные чувством национальной гордости в достижении, которое, во-первых, было законным поводом для празднования, и, во-вторых, не имело связи с недавним нацистским прошлым».² Но более интересно в этой ситуации интересно то, как интерпретировали данное событие медийные источники различных стран. Примечательно, что, несмотря на отчужденность ФРГ и ГДР, в ГДР данной победе радовались, как своей собственной, с радостью отмечая ее в

¹ Beutler K. Weltausstellungen im 19 Jahrhundert, München, 1973, S 10

² Legg P. The 1954 World Cup: Triumph of a New Germany // History Today. 7.03.2017

СМИ. Как отмечает тот же Пол Легг, немецкие ликования пришли к обобщению во фразе «*Wir sind wieder wer*» (Мы снова *кто*). В Британии же, например, где власти опасались могущества ФРГ, так быстро восстановившейся после войны и вставшей на путь стремительного экономического и промышленного процветания, страницы газет говорили, что люди должны помнить о том, что случается, когда немцев переполняет чувство национальной гордости. Такой же позиции придерживалась и Дания, говоря, что «Во всех этих ликованиях не хватало лишь криков “Sieg Heil”», а также Франция, Италия и ряд других стран, кто опасался полного восстановления Германии. Другими словами, каждая страна пропагандировала эту шумевшую победу и/или ее последствия в своих интересах, хотя СМИ в самой ФРГ очень аккуратно и сдержанно преподносили данную информацию.

Таким образом, мы видим, что еще одним очень масштабным инструментом влияния на формирование национального самосознания и культурной идентичности внутри государства и его имидж на международной арене являются всемирные выставки и другие международные публичные мероприятия и первенства, а так же их последующая интерпретация, направленная на пропаганду.

Принцип функционирования механизмов формирования культурной идентичности на фоне политики прошлого был косвенно рассмотрен нами на примере переработки тоталитарного прошлого в ФРГ и ГДР, а также в современной ФРГ. Тем не менее, рассмотрим кратко еще один момент, важный для формирования культурной идентичности. Речь идет о культурной памяти, сформированной в ходе внешнего воздействия сверху, а в частности о возможных фальсификациях истории.

Иррациональный характер связи мифа с сознанием обуславливает значительную роль мифа в формировании культурной идентичности ввиду отличительных особенностей мифа с массовым сознанием.

В свою очередь, выделяют два типа фальсификации истории – первый – сокрытие или измышление фактов и событий, второй – предвзятая трактовка прошлого.¹ На этой почве и происходят бесконечные попытки переосмысления тоталитарного прошлого в Германии, так же как и тоталитарного прошлого в ГДР. Эти процессы, в свою очередь, так же обуславливаются как внешне- так и внутривосточными предпосылками.

2.2. Язык как инструмент культурной самоидентификации

Функции языка оказываются довольно различными в зависимости от направленности исследования, рассматривающего язык как свой предмет. Ю. Лотман отмечает, что коммуникативная функция языка (передача информации без изменений), рассматривалась лингвистами долго как единственная.²

Уже упомянутый в одной из глав выше основоположник экспериментального и культурно-исторического методов психологии Вильгельм Вундт рассматривал непосредственную языковую деятельность в качестве основного проявления «народного духа» („Volksgeist“)³. Так он пишет о том, что «строй языка, который, сам по себе взятый, является продуктом духа народа, проливает свет на психологическую закономерность индивидуального мышления».⁴

Хотя язык сам по себе далеко не однозначно интерпретируется исследователями в качестве наиболее значительного фактора при формировании коллективной, а в данном случае культурной идентичности, в нашей работе он все же рассматривается как один из ключевых моментов, что особенно ясно доказывается на рассматриваемом в работе частном примере.

¹ И. Кондаков, К. Соколов, Н. Хренов. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М: Прогресс-традиция, 2011, с. 95

² Лотман Ю. М., Семиотика текста. Москва: Академический проект, 2013, с. 339

³ Вундт В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо, 2002, с.22

⁴ Вундт В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо, 2002, с.33

В историографии начало формирования немецкого национального самосознания отсчитывается с периода первой половины 16 в., когда в процессе Реформации немецкий язык стал элементом национальной и идеологической идентичности. В средние века и в начале нового времени язык („lingua”) часто отождествлялся с понятием нации (“natio”), являясь вместо противопоставлением понятию государство “civitas”).¹

В первую очередь, важно понимать, что языковое содержание является выражением ментальных моделей рассматриваемой культуры. Так, всевозможные исследования данной функции языка всегда сопровождаются обильным количеством примеров, речевых ситуаций. Мы не будем обращаться к ним, но все же приведем один пример из собственных наблюдений при анализе оригинала текста «Фауста» Гёте в сравнении с русскими переводами, что намечает диалектику различий ментальности русского и немецкого языков.

Остановимся на примере из самого начала из части «Vorspiel auf dem Theater» (Пастернак: «Театральное выступление»).

Так, устами комического актера Гёте пишет следующие строки:

„Wenn ich nur nichts von Nachwelt hören sollte,
Gesetzt, dass ich von Nachwelt hören wollte,
Wer machte denn der Mitwelt Spaß?“²

Сама игра слов между *Nachwelt* и *Mitwelt* неизбежно теряется в любом русском переводе (пример перевода Пастернака):

„Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,
Кто потешал бы нашу молодежь?“³

Nachwelt (*мир после нас*) находит в русском языке аналог в виде слова «потомство», что показывает насколько более обще и глобально видит суть

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука, 2001, С. 204

² J.W. v. Goethe. Faust. Der Tragödie erster Teil. Köln: Anaconda Verlag, 2007, S.7

³ И.В. Гёте. Фауст. И.: Государственное издание художественной литературы, 1960, с. 7

развития будущего немец, в то время, как русский более склонен говорить не о *мире*, а о *людях* после нас. Слово же *Mitwelt* (как бы «сопутствующий мир»), находит здесь в русском языке свою форму выражения в слове «*молодежь*», в то время, как одним из возможных вариантов перевода также становится слово «современники». Если для немца «сейчас» - это сопутствие с миром, то для русского – со временем. Такое тонкое лингвосемантическое наблюдение наталкивает нас на мысль, что немцы скорее мыслят себя в пространстве, а русские – во времени.

Немецкий язык сам по себе очень тонок, поэтичен и своеобразен. Он богат на примеры для бесконечных разборов, подобных проведенному нами выше. Как и любой язык, он так же весьма динамичен, особенно на сегодняшний день, при условиях открытости немецкой культуры и сложным процессом лингво-культурного смешения. Анализ подобных изменений мы оставим лингвистам, и остановимся со своей стороны на рассмотрение функций современного немецкого языка как социокультурного феномена.

Мультилингвальность современного немецкого общества обусловлена не только миграцией и значительной степенью представительства диаспор ненемецких культур. Необходимо принимать во внимание сложившуюся на фоне культурной раздробленности самой Германии языковую раздробленность среди самих немцев. На нормативном, так называемом «высоком» немецком (*Hochdeutsch*), помимо телевидения и официальных представительств в менее формальных ситуациях говорят лишь в Ганновере. Языковую сферу остальных немецких обществ определяет наличие определенного диалекта, зачастую весьма резко отличающегося от нормированного языка.

Данная ситуация становится фактором, определяющим идентичность практически каждого члена немецкого общества в специфическом ключе. Сохранение своего традиционного языка, будь то его диалектического варианта или же другого языка, отличного от государства, не только влияет на

ментальность отдельно взятых общин, но и на их восприятие себя и своего общества в соотношении с другими.

В современной терминологии формирующаяся в данных условиях ситуация различного, контекстуального использования языков носителем в зависимости от его функции, получает название «Диглоссия».

Весьма обстоятельно проблематикой смешения и взаимодействия языков как с филологического, так и с культурно-социологического подхода занимается современная немецкая исследовательница Клаудиа Мариа Риль. Ее пособия весьма востребованы в немецких университетах.¹

Так, использование языков в зависимости от их функции приобретает значения на уровнях H-Variety (High variety) и L-Variety (Low Variety). Первые используются в формальных ситуациях, им обучают в официальных институтах, в то время, как вторые находят себе применение в неформальных ситуациях.² Так, диалект или родной язык будет использоваться в семье и кругах знакомых, а официальный нормированный язык – в образовательных учреждениях, на работе (так же в зависимости о степени формальности поведения, установленного в коллективе) и пр.

Историю употребления немецкого и русского языков и изменение их функций у представителей немцев Поволжья (русских немцев) сквозь века исследуют Сабина Ипсен-Питцмайер и Маркус Кайзер в своем исследовании «Чужие у себя дома. Русские немцы между Россией и Германией».³

Так, приглашенные в 1763 году Екатериной Второй на территорию Российской империи немцы, сохраняли сквозь поколение преемственность немецкого языка для сохранения своей исторической немецкой идентичности. При чем, в условиях замкнутости на территории российского

¹ См. Klaudia Maria Riel. Sprachkontaktforschung. Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2014; Klaudia Maria Riel. Mehrsprachigkeit. Eine Einführung. WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, 2014

² Klaudia Maria Riel. Mehrsprachigkeit. Eine Einführung. Darmstadt: WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), 2014, S. 16-17

³ Sabine Ipsen-Peitzmeier, Markus Kaiser. Zuhause Fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. Bielefeld: transcript Verlag, 2006

региона, язык оставался как бы «законсервирован» в том виде, в каком он использовался во время переселения в 1760-х. Далее в 1900-х годах, когда начинались первые репрессии так называемых русских немцев на территории СССР, вводились запреты на публичное употребление немецкого языка, а русский язык и культура насильно навязывался представителям немецкой диаспоры. С годами ситуация лишь усугублялась, и в этом контексте немецкий язык сохранял для их носителей функцию противостояния, стимула борьбы, атрибута культурной памяти, напомиравшем русским немцам об их самобытной идентичности. Лишь в конце 1980-х русские немцы, уже неизбежно впитавшие в себя нормы и ценности русской культуры, тем не менее, сохранив и немецкие, получили право вернуться «домой» в ФРГ. Тем не менее, возвращаясь «домой», после векового ожидания снова оказаться в родных культурных условиях, немцы обнаруживают, что немецкой культуре они предстают не менее чужими, чем русской. Не имея точной модели, точного образца для самоидентификации, русские немцы по возвращению в Германию создают свою собственную. Их ментальность становится смесью русской и немецкой культур. Русский язык в этой ситуации в контексте ситуации Диглоссии становится Low-Variety, и служит особым языковым инструментом для их культурной идентичности.

Подобные примеры могут быть найдены у носителей любых других нескольких языков, включая принцип диалект - нормативный язык.

В сегодняшнем немецком обществе наличие и разновидности подобной Low-Variety во многом определяет самобытность культурной идентичности различных культурных групп, так же разделяя «себя» от «другого» на нескольких уровнях. Такие культурно-языковые предпосылки маркируют различия между представителями разных германских регионов, так же между немцами и мигрантами, как и непосредственно между разными группами мигрантов на территории ФРГ.

3.3. Поиски образа: на грани культурной и политической идентичностей

Отсутствие четкого понимания сегодняшних приоритетов немецкого общества, нехватка единой силы, образа, иконы, ориентира, зачастую заставляет немцев обратиться к поискам подобного культурного феномена в своем прошлом.

Немецкий художественный фильм «Finsterworld» (Frauke Finsterwalder, 2013) обращает внимание зрителей на диалог героев, где поднимается и отчасти объясняется проблема образа немецкого прошлого в современной Германии:

“Я думаю, в Германии просто нет образцов для подражания. Никаких комичных фигур, как, например, Микки Маус. Кто-то, с кем каждый себя может идентифицировать, кого знает каждый, включая иностранцев. Единственная всем известная фигура в Германии – это Адольф Гитлер”.

1

Это яркий пример того, что индивидам, принадлежащим к определённому обществу и соотносящих себя с ним, необходимы, помимо прочего, непосредственно и определенные образы. Глава государства и другие медиа-фигуры играют в этих процессах ведущую роль. В Германии, однако, подобные образы становятся размытыми, так как современная культура ФРГ отталкивается от разнородности образов, как следствие разнотности общества как такового. Как культура современной толерантной Германии перерабатывает подобные идеи на практике, возможна ли идентификация без общей направленности и есть ли перспективы у подобных культурных механизмов в немецком обществе, мы рассмотрим в этом параграфе.

¹ Фильм «Finsterworld», реж. Frauke Finsterwalder. Alamode Film, 2013

Занимающая с 2005 года позицию бундесканцлера Ангела Меркель, заявила о решении снова выдвинуть свою кандидатуру на этот пост; решении, которое она «бесконечно долга обдумывала»¹.

Как отмечает Der Spiegel, в случае успеха Меркель имеет шанс превзойти по длительности своего лидерства Конрада Аденауера, занимавшего позицию бундесканцлера на протяжении 14 лет, и даже Гельмута Кёля, продержавшегося на посту рекордные 16 лет.²

Однако жители Германии в этом вопросе не совсем единодушны: по состоянию на 20 ноября 2016 года лишь 50 процентов опрошенных в Германии выразили свое положительное отношение к переизбранию Меркель, в то время как 39% опрошенных высказались категорически против.³ По известным причинам Меркель и ее политика в отношении беженцев (и не только) стала разочарованием для значительной части населения, - Меркелевское “Wir schaffen das” («Мы справимся с этим») находит в умах немцев все меньший отклик в сравнении с лозунгами праворадикально настроенной партии AfD (Alternative für Deutschland).

В свете вышеперечисленных событий огромные споры среди немецкой общественности на сегодняшний день вызывает дальнейший путь культурного развития страны, уже пережившей в недалеком прошлом тяжелую эпоху диктатуры, также как и последствия праворадикальной политики. Образ Меркель несет в себе для многих скорее негативный подтекст в виду соблюдения жесткости в политическом курсе, проводимом против воли значимой части населения. Недавние заявления Меркель об изменении направленности ее политики, необходимости начать отсылать многих беженцев домой, с насмешкой трактуются немцами лишь как

¹ Merkel: "Ich habe unendlich viel darüber nachgedacht" // - [Электронный ресурс] - Süddeutsche Zeitung - сайт. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/kanzlerkandidatur-merkel-ich-habe-unendlich-viel-darueber-nachgedacht-1.3258889> [дата обращения: 10.12.16]

² Merckels Statement zur Kandidatur // - [Электронный ресурс] - Spiegel Online - сайт. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/merkel-ich-habe-unendlich-viel-darueber-nachgedacht-a-1122223.html>

³ Mehrheit wünscht sich erneute Amtszeit von Merkel // - [Электронный ресурс] - Zeit Online - сайт. URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-11/mehrheit-wuenscht-neue-amtszeit-merkel>

попытка удержать власть. Можно сказать, что в качестве образа, воплощающего в себе и своих действиях отчасти потерянный культурный облик Германии, Меркель провалила свою миссию. Что же сказать о партии AfD, от которой многие немцы теперь ищут ответов на вопрос о направленности своего культурного развития, вывод можно предположить не менее утешительный – бегство к правым движениям в кризисный для населения момент, как показывает история, по большей вероятности не приведет немцев к удовлетворяющему их решению.

В 1950 г. французский философ Альберт Камю – основоположник самостоятельной теории государственного террора – в своей работе «Бунтующий человек» рассматривает феномены рационального и иррационального террора, в том числе часто апеллируя к современной ему Германии эпохи Третьего Рейха. Философ подчёркивает, что нигилистическая революция Третьего Рейха, имеющая иррациональное начало, была обречена на провал. В данном случае, вопреки Гегелю, отрицание, не было созидательным. Это отрицание, нацеливавшееся на уничтожение, обернулось для Гитлера самоуничтожением. Как добавляет Камю, «Гитлер являет собой, быть может, единственный в истории пример тирана, не оставившего после себя ничего положительного».¹

Немцы сами, пусть и не сразу придя к этому пониманию, сохраняют эту черную страницу своей истории, не переставая обращаться к ней, что заметно в их современной массовой культуре. В еженедельной газете «Шпигель», уже упомянутой выше, часто появляются фото Гитлера, даже на обложках. Как отмечал в одном своем интервью от 2009 г. член-корреспондент Института Европы РАН Валентин Федоров – “по частоте никто из прежних канцлеров, даже железный Бисмарк и отец-основатель ФРГ Аденауэр, сравниться с бесноватым не может”². В этом же интервью

¹ Камю Альбер / Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-н/Д., 1995, с. 261

² Как Гитлер выводил Германию из кризиса // - [Электронный ресурс] - Комсомольская правда – сайт. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/24320/513189/>

опрашивающий делает меткое аллегорическое замечание: “«Шпигель» в переводе - зеркало. Может, в нем отражается социальный заказ на фюрера в условиях кризиса или генетический страх немцев перед безработицей типа 20-х - начала 30-х годов”.¹

И действительно, фюрер, пусть и не оставивший в идеологическом плане после себя “ничего хорошего”, до сих пор вспоминается многими, как правитель, когда-то приведший страну к экономической и не только *стабильности*. Так же доктор экономических наук О.Ю. Мамедов в своей статье “Почему немцы голосовали за Гитлера” в свою очередь ставит данное обстоятельство выше личного “обаяния” фюрера, его личностных или идеологических характеристик. Но лишь за малым исключением. Автор подчеркивает: “Никаких личностных качеств для того, чтобы стать вождем, ни у кого из самых знаменитых диктаторов не было. Кроме одного — нечеловеческой жестокости! «...» Но одинаковы не только диктаторы, одинаковы и их поддерживающие”.² Таким образом, заключается, что массовая поддержка диктатуры возможна лишь тогда, когда личная власть вождя отвечает экономическим интересам основной массы общества. Тем не менее, в реальности за этим непременно следует эрозия государственных структур и утрата и без того вымирающих моральных, культурных ценностей.

Заключить, что Германия на сегодняшний день находится в состоянии экономической нестабильности, мы не можем. Однако, тенденции к снижению стабильности в общественных и структурных отношениях в жизни немцев, в их чувстве «уверенности в завтрашнем дне» невозможно отрицать. Обращаясь к таким силам, как AfD, в надежде предотвратить моральный и культурный упадок своего общества, не рискует ли это общество, согласно изложенным выше доводам, лишь подлить масла в огонь,

¹ Там же

² Мамедов О.Ю. Почему немцы голосовали за Гитлера (из истории экономических преступлений государства) // Журнал «Terra Economicus scholar» - Выпуск № 3 / том 9 / 2011, с. 69-70

обеспечив себе тем самым более глубокий культурный и аксиологический кризис?

Продукты современной немецкой культуры демонстрируют, что данный вопрос не только поднимается и осмысливается самими немцами (в том числе и в контексте образа Гитлера), но иногда даже находит свой ответ.

Для начала рассмотрим ситуацию сравнения нынешнего лидера страны – Ангелы Меркель – с Фюрером. Даже в абсурдных ситуациях, связанных с явными недоразумениями, люди склонны видеть неприятный скандальный контекст. Так это было, например, в случае ставших «вирусными» фото, где израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху якобы наводит своим пальцем в сторону лица Меркель так, что его тень падает на ее лицо как бы в форме Гитлеровских усов. Данное фото сразу обрело схожие коннотации и обсуждения в разных уголках мира.

И снова обратимся к газете «Шпигель», которая в своей публикации от 21 марта 2015 года поднимает эту тему под заголовком «Wie Europäer auf die Deutschen blicken: The German Übermacht» («Как европейцы смотрят немцев: немецкая гегемония»). В ней говорится о болезненной для немцев теме тоталитарного прошлого и о том, как Европа рисует Германию в виде образующегося «Четвертого рейха», пририсовывая госпоже Меркель гитлеровские усы. Обвинения эти касаются, правда, лишь стремления Германии к экономическому господству в Европе, однако данного обстоятельства ряду стран достаточно для обвинения Германии в «возрождении фашистской идеологии». Вызвавшая бурные обсуждения в различных немецких газетах (включая *Süddeutsche Zeitung*) статья из «Шпигель», была позднее прокомментирована самим изданием. В «Шпигель» поясняли, что Фюрера видят в Меркель лишь те, кто до сих пор не подвел черту под ужасами нацистской диктатуры и чувствует себя ущемленным, слабым (апеллируя к Греции). Далее издательство акцентирует, что оригинальной статьей как раз-таки подчеркивалось четкое разграничение

немцами давно ушедшего прошлого от злободневного настоящего.¹ Действительно ли достигла немецкая культурная память на сегодняшний день этой стадии?

Нелепые сравнения нынешнего лидера страны, 33-го канцлера Германии с 22-ым, давно пережившим свою эпоху Фюрером, могут найти для себя некоторое количество интерпретаций даже как самостоятельный социокультурный феномен. Ненависть, страх, попытка высмеять или где-то даже симпатия? Как действительно немцы видят сегодня фигуру Фюрера? Как важен этот образ в рамках культурной самоидентификации современного немца? Насколько он для них реален? Как бы они отреагировали, скажем, внезапно получив возможность снова увидеть Фюрера, чудом очутившегося в Германии спустя 70 лет после своего краха?

Не стоит воспринимать данный вопрос столь иронично. Такую провокационную ситуацию воплощает в жизнь современный немецкий писатель Тимур Вермес в своей ставшей бестселлером книге «Он снова здесь» (по книге также снят одноименный фильм, режиссированный Давидом Вендтом).

Как, должно быть, уже догадался читатель, данное произведение повествует о таинственном и внезапном возвращении Фюрера в современность, в 2011 год. Автором не акцентируется внимание на вопросе «Как?», - это не научно-фантастическое произведение о путешествиях во времени – автор рассказывает историю о том, как с его точки зрения немецкое население реагировало бы на реального Гитлера, оказавшегося в сегодняшней Германии. Приблизила данный сюжет к реальности съемочная группа фильма, разъезжавшая с актером Оливером Мазуччи, сыгравшим главную роль в фильме, по разным уголкам Германии. Актер был загримирован и одет под Фюрера. Реакции граждан, встречавших Фюрера на улице, документировала камера, а некоторые фрагменты вошли и в сам фильм. Эксперимент продолжался 4 недели: актер общался с людьми, они с

¹ The German Übermacht // - [Электронный ресурс] - Телеполис - сайт. URL: <https://www.heise.de/tp/features/The-German-Uebermacht-3370824.html>

удовольствием разговаривали с ним, доверяли свои переживания, многие бежали к нему в объятья, туристы кричали ему «Love Hitler»...

Естественно, подобного рода реакция не являлась единственной, однако, обилие людей, так позитивно реагировавших на появления Фюрера, удивило и насторожило режиссера Давида Вендта и актера Оливера Мазуччи, которые не смогли дать этому феномену четкое объяснение. Режиссер лишь пояснял, что ему была крайне интересна реакция простых людей, так как он хотел воссоздать сюжет, максимально приближенный к реальности. Оливер Мазуччи же в свою очередь поделился своим выводом о том, что Германии следует опасаться за свою демократию.¹

Итак, вернемся к сюжету книги. По счастливому для Фюрера совпадению, он знакомится с журналистом Фабианом, отчаявшимся в попытках спасти свою карьеру и остро нуждающимся в сенсации. Именно такой сенсацией и становится для него Фюрер. Слепо незамечающий в Фюрере настоящего Адольфа Гитлера на протяжении почти всего повествования, Фабиан помогает успешному продвижению Фюрера, быстро ставшего любимчиком народа. Бурно растущая популярность героя позволяет ему стать настоящим политиком, кандидатом на роль главы немецкого пока еще демократического государства.

Конечно, мы можем утверждать, что столь позитивная реакция на Фюрера как в художественном произведении (пусть и сильно приближенном к реальности), так и в костюмированном эксперименте, вызвана именно осознанием общества нереальности сущности данного персонажа, их желанием поддержать эту игру, показать, что они могут смеяться над своим прошлым. Ведь и в самом рассматриваемом произведении приводится следующая, импонирующая читателю точка зрения: “Ошибки не для того, чтобы о них сожалеть, они для того, чтобы не совершать их заново. После

¹ So reagieren Passanten auf Hitler-Double // - [Электронный ресурс] - Tagesanzeiger - сайт. URL: <http://www.tagesanzeiger.ch/kultur/kino/so-reagieren-passanten-auf-hitlerdouble/story/29026140>

пожара я не буду тем человеком, кто неделями и месяцами оплакивает старый дом! Я тот, кто строит новый дом. Лучше, крепче, красивее”.¹

К тому же, не стоит забывать, что Фюрер, представший нам как художественном в произведении, так и в образе, воплощенном актёром в социальном эксперименте, представляет собой более приближенного к народу персонажа, по-наивному смешно справляющегося с реалиями современного мира, так сильно поменявшегося с мая 1945-го. Хотя и Фюрер произведения Вермеша не раз убеждал зрителя в своей жестокости и нечеловечной природе.

А будет ли образ Фюрера, уже непосредственно влекущего всю страну за собой в разрушительную идеологическую войну, так же позитивно и иронично воспринят современным немецким народом?

В качестве эпохи, имеющей свое место в немецкой истории, как и любой другой эпизод, Гитлеровская Германия рассматривается и на городском празднике в Берлине в октябре 2106 года. В рамках этого праздника на Лейпцигской площади, недалеко от бывшего бункера Фюрера, в течение двух недель проводилось ночное световое шоу. Оно иллюстрировало различные страницы истории города и страны. Среди этих сюжетов присутствовали и несколько комичные изображения Гитлера и Геббельса. Довольно жуткие голограммы величиной в 8 метров, сопровождающиеся злорадным смехом и записью голоса Геббельса, вопрошающего: «Вы хотите тотальную войну?» навели ужас на некоторых жителей Берлина, вызвавших в первую же ночь инсталляции полицию. Тем не менее, полиция пояснила, что причин для паники нет, а само шоу успешно шло все последующие две недели. В этой связи немецкое издательство “Neute” запустило онлайн-опрос, спрашивая: “А как Вы относитесь к использованию образа Гитлера в целях искусства?”, результаты которого показывают, что население в этом опросе остается неединодушным: 55,83% считают это нормой, в то время как

¹ Т. Вермеш. Он Снова здесь. М.: АСТ, Corpus, 2014, с. 222

остальные 44,17% находят это неприемлемым.¹ Еще бы, ведь такой образ Фюрера наглядно показывает все самые устрашающие черты как его самого, так и созданной им эпохи.

Таким образом, мы можем определить, что ожившие в современной культуре различные образы и воспоминания о культурном событии, феномене, уже «состоявшемся» в относительно далеком, но еще не забытом прошлом, являются непосредственным продуктом сформированной на сегодняшний день в Германии коллективной культурной памяти.

На этом этапе рассматриваемый нами культурный феномен становится несколько более ясным. Фюрер является лицом эпохи, не потерявшей для современной немецкой культуры своей значимости, а следующие за этим различные коннотации его образа есть результат генеративности, на чувственном уровне не утерянной связи между современным и уже более не существующим поколением. Вновь и вновь пробуждающийся интерес к образу Фюрера, рассматриваемый сквозь призму разных, сменяющих друг друга парадигм мышления, не следует рассматривать лишь как следствие снова и снова внедряемого в умы новых поколений чувства вины за тоталитарное прошлое их страны. Таким же образом его нельзя понимать как следствие пропаганды внутри самой Германии или за ее пределами.

В заключение разговора о фигуре Гитлера как части немецкой культурной идентичности, хотелось бы снова обратиться к художественному произведению Т. Вермеша «Он снова здесь», а именно к финальным словам Фюрера: «Вы не сможете избавиться от меня. Я – часть вас. Всех вас. И, как видите, не все было так плохо...».² Можно сказать, что Фюрер действительно и на сегодняшний день жив в каждом немце, ведь его влияние на ход их национальной истории, каким бы оно ни было, является неоспоримым. Данный культурный феномен остается в современном немецком обществе

¹ Rollende Augen, irres Lachen // - [Электронный ресурс] - Heute - сайт. URL: <http://www.heute.at/freizeit/szene/Anrainer-rufen-wegen-8-Meter-groessem-Hitler-die-Polizei;art23668,1350685>

² Т. Вермеш. Он снова здесь. М.: АСТ, Corpus, 2014, с. 373

твёрдо устоявшимся объектом генеративности в рамках преемственности культурной памяти немецкого народа. Этот опыт прошлого, опыт преодоления такого прошлого, опыт переработки и переоценки образа столь противоречивого деспотического персонажа играет свою роль в социокультурном развитии современного немецкого общества, роль, которую нельзя переоценить. Образ Фюрера будет еще долго оставаться значимым образом правителя, образом для сравнения и сопоставления, критики и основания переоценки ценностей.

Тонкая грань между политической и культурной идентичностью зачастую смывается в современном немецком обществе. Помимо обращения к прошлому, схожие настроения часто порождаются и в настоящем. Влияние уже не раз упомянутой партии AfD на культурное и идеологическое мировоззрение немцев в последние годы нельзя не принимать во внимание.

Принцип самоидентификации на фоне «отграничения» от другого в сегодняшней Германии неосознанно перерабатывается и активизируется в умах ее жителей. В этом многие современные деятели и теоретики культуры видят непосредственную угрозу идеологическому становлению немецкого общества.

В данном контексте небезызвестный для современной немецкой массовой культуры публицист Йоахим Рэдер, издающий злободневные работы по темам философия, культура, политика, спорт и др., излагает в одном из своих изданий мысли насчет восприятия современными немцами собственных склонностей к поддержке организаций вроде AfD. Его книга с ироничным названием «Ты вовсе не нацист, только лишь из-за того, что выбираешь AfD и поддерживаешь Пегиду» анализирует сущность двух упомянутых организаций, поднимая вопрос о праворадикальности каждой из них, а также косвенно выявляя опасность подобных настроений для немецкого общества, зачастую незамечающего «истинной» направленности этих движений.

Наконец, снова обращаясь к продуктам современной немецкой массовой культуры, мы можем совершить еще один более наглядный анализ принципов самоидентификации немцев в обществе, а также саморефлексии в виде медиаискусства.

Речь идет об одном сатирическом музыкальном мини-фильме (или же клипе), к которому хотелось бы привлечь внимание читателя.¹

Сатира производства одного из центральных немецких каналов, автором которой выступил довольно известный в немецких медиа шоумен Ян Бёмерманн, в ироничной форме проливает свет на суть настроений современного немецкого общества. Несмотря на некий юмористический подтекст, произведение весьма точно и злободневно определяет современную немецкую ментальность. Сам текст написан на английском языке, однако наполнен уместными переходами на немецкий язык в форме единичных слов и словосочетаний, известных практически всем.

Начинается сатира со слов, как бы выступающих в виде эпиграфа: “Remember, remember the 9th of November, broken fire, treason and plot”... Переделывая мотив стихотворения о Пороховом заговоре в Англии 5 ноября 1605 г. (оригинал – “Remember, remember the fifth of November”), автор ссылается на 9 ноября - международный день против фашизма, расизма и антисемитизма, призывая никогда не забывать его. Далее строки: “I know of our reason, why our won treason should ever be forgot”. В рамках интертекстуальной иронии автором намеренно допускаются ошибки в форме глагола “forget” – во-первых, для соблюдения ритма стихотворения, а во-вторых, для демонстрации самоуверенности немцев насчет степени своей интегрированности в англоязычные культуры, ведь они позиционируют себя как граждан мира, стараясь не привязываться к своей «немецкости» или какой-либо другой однонаправленной идентичности. Здесь Бёмерманн как бы показывает, насколько нелепо у немцев иногда выражается это стремление в действительности. Тем не менее, отталкиваясь от означющего к самому

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=HMQkV5cTuoY>

означаемому, мы видим, что лейтмотивом сатиры о немцах становится их установка «никогда не забывать собственную измену».

Эту музыкальную сатиру можно было бы проанализировать построчно, слово за словом, ибо каждое слово весьма метко и точно указывает на определенную остро выраженную тенденцию в немецком обществе. Словами “Achtung! Germans on the rise” выражается ярая интернациональность немцев выступить против любого акта против либерализма – “The *true Germans* come for you, better run fast”. Описывая самих немцев, автор затрагивает наиболее ярко выраженные внешние атрибуты и составляющие немецкой культуры. Так в сатире поется о куртках Jack Wolfskin, бутылка с Pfand’ом, страстях немцев к велогонкам, кебабам, мюслям, безвкусную моду носить носки с сандалями и многом другом... Основным мотивом сатиры становятся слова “We are proud of not being proud”, смысловое содержание которого в ходе сатиры так же весьма саркастично раскрывается. Так, немцы говорят о себе как о «самом большом страхе ксенофобов». Они как бы высмеивают потребность среди жителей других государств иметь сильного лидера и четко определенной направленности культурного развития, говоря о том, что быть такими как немцы требует куда большей отваги. В припевах в сатире даются определения тому, что значит «немец» или «немецкий». К таким определениям отнесли следующие характеристики: милые, либеральные, сочувствующие, внимательные, рассудительные, социальные, мирные, открытые, мультикультурные, скромные, помогающие слабым и бедным, толерантные, соседи, просвещенные, ответственные, мировые чемпионы (о футболе), прощающие... И далее простые характеристики, как суть Германии как части Европы, ее поддержки единства и разнообразия и многое другое.

Герои сатиры также ссылаются на категорический императив Канта, не без гордости заявляя, что он тоже был немцем. Самими героями этой музыкальной сатиры стали как простые, типичные на вид представители немецкой расы, так и (в перевешивающем количестве) различные меньшинства, занимающие гордую и почетную позицию в немецком

обществе за счет своей инаковости. Все это, помимо прочего, выдержано в стиле пародий на творчество “Rammstein”... Многие скажут, что это лишь набор стереотипов, однако сами немцы замечают, что именно это они из себя на сегодняшний день и представляют.

Немногие могут заметить в полной мере сарказм автора по поводу непосредственной формы выражения, а не содержания наблюдающихся в сегодняшнем немецком обществе установок. Как уже было замечено, ключевой мотив сатиры звучит как “We are proud of not being proud” – а сама сатира завершается восклицанием “We! Not you!”... Этим самым автор показывает, что немцы, остро перерабатывая свое прошлое и в своих ориентирах отталкиваясь от отказа от всякого вида дискриминации, все равно иногда оказываются в нелепой степени гордыми за себя. Их идентичность, таким образом, все же объединяет их в противостоянии перед отрицательными общественными движениями, и, в то же время, делает их вопреки своему намерению все же закрытыми от многих других обществ.

Таким образом, проанализировав некоторые аспекты современной немецкой культуры и применительно к ней само рефлексии представителями немецкого общества, мы видим принципы процессов культурной идентичности в действии. Процессы, тем не менее, оказываются обусловленными своей спецификой, рассмотренной нами выше. Грань между культурной и политической идентичностью оказывается весьма тонкой и прослеживается с трудом. Неоспоримым, тем не менее, остается сам факт их

Заключение

В результате нашего исследования мы смогли выявить проблематику формирования коллективных и индивидуальных идентичностей и проанализировать различные научные подходы, рассматривающие данные феномены.

Состоялось выявление смыслового содержания и рассмотрение различных смысловых коннотаций понятия коллективной идентичности, в

частности культурной, и посредством этого – анализ данного феномена на основе реалий и философии культуры современной Германии, а также понимание принципов самоидентификации представителей современного немецкого общества.

Произведен компаративистский анализ существующих на сегодняшний день концепций коллективной идентичности, выявление аспектов, наиболее значимо влияющих на процессы формирования культурной идентичности, а также удалось проследить, какие частные особенности обуславливают данный процесс в немецкой культуре.

Анализ продуктов современной немецкой массовой культуры приблизил нас к пониманию основ и принципов немецкой культурной самоидентификации. Введение в политико-культурный контекст осветил как причины и предпосылки для понимания современного немецкого общества, так и наметил понимание необходимости более основательной системы ценностей для ориентира и культурной самоидентификации в Германии сегодня.

Список использованной литературы

1. Аренд Х. Скрытая традиция: Эссе / Ханна Аренд;. Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008
2. Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Независимое издательство «Пик», 1999
3. Борозняк А. Прошлое, которое не уходит: Очерки по истории и историографии Германии XX века. – Екб.: Изд-во Урал. Ун-та, 2004
4. Борозняк А.И. Рецензия на книгу «Воодушевляющее страдание» [Электронный ресурс] // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

30.03.2010. URL: http://www.perspektivy.info/book/voodushevlajushheje_stradanije_2010-03-30.htm

5. Вундт В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо, 2002.
6. Вермеш Т. Он Снова здесь. М.: АСТ, Corpus, 2014.
7. Гёте И.В. Фауст. И.: Государственное издание художественной литературы, 1960
8. Граф Ю. Великая ложь XX века [Электронный ресурс] // URL: http://vk.com/doc56799036_244831711?hash=d08763ef4dd1136fef&dl=31d4e5b688919221bd
9. Гришаева Л. И., Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов / Л.И. Гришаева; Воронеж. гос. ун-т. - Воронеж : издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007
10. Дауб Г., Миф о коллективной вине [Электронный ресурс] // Waldemar Weber Verlag. 20.07.2006. URL: <http://www.rd-zeitung.eu/obzor/gdaub.htm>
11. Донец П.Н. О трудностях супракультурного общения (на примере германо-германского диалога anno 1983) // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности – коллективная монография в двух частях / Ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. – Ч. 1. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 229-241.
12. Как Гитлер выводил Германию из кризиса // - [Электронный ресурс] - Комсомольская правда – сайт. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/24320/513189/>
13. Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т.8. М.: Чоро 1994
14. Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ, М.: РОССПЭН, 2012.
15. Кондаков И., Соколов К., Хренов Н. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху, М.: Прогресс-традиция, 2011

16. Кормер В.Ф. О карнавализации как генезисе двойного сознания, ВФ. 1991. №1
17. Корнева Л. Проблема вины и ответственности немцев за преступления нацизма через призму взаимодействия макро- и микроисторических исследований [Электронный ресурс] // Вестник Томского Государственного Университета. -2009. – №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-viny-i-otvetstvennosti-nemtsev-za-prestupleniya-natsizma-cherez-prizmu-vzaimodeystviya-makroi-mikroistoricheskikh>
18. Коммунистическая партия Германии. 1945-1965. Краткий исторический очерк, документы, хроника событий. С.: 1968
19. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократия// Полис. 1997 №5
20. Лотман Ю. М., Семиотика текста / Юрий Лотман. М.: Академический проект, 2013.
21. Мамедов О.Ю. Почему немцы голосовали за Гитлера (из истории экономических преступлений государства) // Журнал «Terra Economicus scholar» - Выпуск № 3 / том 9 / 2011
22. Менделеева Д. Как пережить тоталитарную историю: «немецкий опыт» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Православие и мир. 16.13.2014. URL: <http://www.pravmir.ru/kak-perezhit-totalitarnuyu-istoriyu-nemetskiy-opyit/>
23. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного Университета в Москве, 2007.
24. Первушина О.В. Культурная преемственность, культурная память и традиция: соотношение понятий как культурологическая проблема // Мир науки, культуры, образования, Выпуск № 1 / 2011
25. Савин, А.С. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Э. Гуссерля // Вопросы философии. – 2009. – № 8

26. Савин А.Э. Трансцендентализм и историчность в философии Гуссерля, Ханты-Мансийск: Изд-во Югорского государственного университета, 2008
27. Саррацин Т. Германия: Самоликвидация. М: АСТ, 2013.
28. Слуцкий Е. Качество жизни молодежи и молодежная политика. СПб.: Петрополис, 1997.
29. Тюкаркина О.М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности [Электронный ресурс] // Мир и политика. - 2012. - № 12 (75) URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html>
30. Утопия интергации?: статьи и материалы проекта «Культурная идентичность европейцев, интеграция и глобализация». Тверь – Варшава: Твер. Гос. Ун-т, Радио Полония, 2005
31. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009.
32. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
33. Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
34. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004.
35. Шеррер. Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. [Электронный ресурс] // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы 24.02.2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>
36. Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1990
37. Adorno T.W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit// Adorno T.W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt a.M., 1963

38. Appadurai A, Modernity at large. Cultural dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003
39. Asmann J. Religion und kulturelles Gedächtnis: Zehn Studien. München: C.H. Beck, 2000
40. Bayart J-F. The illusion of cultural identity. London, Hurst & Co (Publishers) Ltd, 2005
41. Beutler K. Weltausstellungen im 19 Jahrhundert. München, 1973
42. Brochhagen U. Nach Nurnberg. Hamburg, 1994
43. Christ und Welt 27.III.1964
44. Der Spiegel, 04.2015. "Wie Europäer auf die Deutschen blicken: The German Übermacht"
45. Freies Deutschland. Hamburg, 1945
46. Goethe J.W. Faust. Der Tragödie erster Teil, Köln, Anaconda Verlag, 2007
47. Güntner J. Kulturelle Identität – als Problem. Deutsch sein und bleiben. - [Электронный ресурс] - Neue Zürcher Zeitung – сайт. URL <https://www.nzz.ch/feuilleton/aktuell/kulturelle-identitaet-als-problem-deutsch-sein-und-bleiben-ld.117226//>
48. Hall S. Cultural identity and Diaspora// J. Rutherford (ed), Identity: Community, Culture, Difference. London: Lawrence and Wishart, 1990
49. Ipsen-Peitzmeier S., Kaiser M. „Zuhause Fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. Bielefeld: transcript Verlag, 2006
50. König H, Kohlstick M. Woll A. Einleitung// Vergangenheitbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts/ hg. H.König, M.Kohlstick, A.Woll, Wiesbaden, 1998
51. Legg P. The 1954 World Cup: Triumph of a New Germany // History Today. 7.7.2014. URL: <http://www.historytoday.com/paul-legg/1954-world-cup-triumph-new-germany>
52. Mead D.G. Mind, Self and Society. Chicago, 1936

53. Mehrheit wünscht sich erneute Amtszeit von Merkel // - [Электронный ресурс] - Zeit Online – сайт. URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-11/mehrheit-wuenscht-neue-amtszeit-merkel>
54. Meinecke. F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden: Eberhard Brockhaus Verlag, 1946
55. Merkel: "Ich habe unendlich viel darüber nachgedacht" // - [Электронный ресурс] - Süddeutsche Zeitung - сайт. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/kanzlerkandidatur-merkel-ich-habe-unendlich-viel-darueber-nachgedacht-1.3258889>
56. Merkels Statement zur Kandidatur // - [Электронный ресурс] - Spiegel Online – сайт. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/merkel-ich-habe-unendlich-viel-darueber-nachgedacht-a-1122223.html>
57. Niethammer L. Kollektive Identität: heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur. Leipzig: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2000
58. S. Papcke. Gibt es eine kulturelle Identität der deutschen?// Die Identität der Deutschen / Werner Weidenfeld (Hrsg.), Wien: Hanser, 1983..
59. Riel K.M. Mehrsprachigkeit. Eine Einführung. WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), Darmstadt, 2014
60. Riel K.M. Sprachkontaktforschung. Eine Einführung. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2014
61. Rollende Augen, irres Lachen // - [Электронный ресурс] – Heute – сайт. URL: <http://www.heute.at/freizeit/szene/Anrainer-rufen-wegen-8-Meter-groessem-Hitler-die-Polizei;art23668,1350685>
62. So reagieren Passanten auf Hitler-Double // - [Электронный ресурс] – Tagesanzeiger – сайт. URL: <http://www.tagesanzeiger.ch/kultur/kino/so-reagieren-passanten-auf-hitlerdouble/story/29026140>
63. Schwan A. Werbung statt Waffen. Hamburg: VS Verlag, 2011
64. Smith A, The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984

65. Steckert Ralf. Begeisterndes Leid. Zur medialen Inszenierung des «Brands» und seiner geschichtspolitischen Wirkung im Vorfeld des Irakkriegs. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2008
66. Weber A. Abschied von den bisherigen Geschichte. Hamburg: 1946
67. Wievorka M. Kulturelle Differenzen und kollektive Identitäten. Hamburg: Hamburger Edition, 2003